

ГЕНРИХ АСАФОВ

Генрих Асафов

Статьи о творчестве Г. А. Асафова

Статьи Г. А. Асафова

Вологда
2006

Генрих Асафов: Статьи о творчестве Г. А. Асафова. Статьи
Г. А. Асафова. — Вологда, 2006. — С. 88.

Статьи
о творчестве
Г. А. Асафова

В. ВОРОПАНОВ

Примечательной особенностью изобразительного искусства Вологды последних лет стало творчески активное развитие живописи. Именно оно сегодня составляет основу областных, тематических и групповых выставок. Лучшие произведения живописцев привлекают внимание широкого круга зрителей, волнуют художественными образами, которые стали своеобразной летописью жизни края, нашего современника. Наряду с ведущими художниками старшего и среднего поколения творчески развивается молодежь, выставки открывают новые имена. В кругу вологодских живописцев свое особое место принадлежит сегодня и произведениям Генриха Алексеевича Асафова.

Генрих Асафов родился в апреле 1940 года в селе Чирково Усть-Кубинского района Вологодской области. Его отец был кузнецом, а мать — кружевницей. Биография художника достаточно типична для его поколения. Раннее детство, проведенное на родине, падает на военные годы. Затем учеба. В 1964 году он закончил Ярославское художественное училище, после чего служил в армии в Южно-Сахалинске. В 1973 году Асафов закончил Художественный институт имени В. И. Сурикова в Москве, а в 1976 году вернулся на родину. За плечами — поездки по стране: до Чукотки и Камчатки.

Но через все пути и дороги, очевидно, всегда звало и манило родное, отчее. Среди больших дорог, строек вставал образ маленькой деревни со знакомо шумящими на ветру деревьями, родной районный аэропорт, мужики на Кубене. Осознавалась необходимая преемственность поколений. Два ранних холста художника названы «Отцовское» и «Материнское». От отца в наследство — топор и рубанок, сруб деревенского дома, большой простор поля. От матери — старый подойник, ковш с водой. Эти простые предметы быта, связанные с ремеслом, домашним хозяйством крестьян, изображены на фоне неба. В работе «Материнское» они являются центром и сутью всей картины, воспринимаются как значимый символ трудовой жизни человека на земле. Живопись Асафова в своей основе органична для сегодняшней художественной культуры Вологды. В сюжетных картинах, их образном строе есть осознанное обращение к народным корням жизни и труда, искусства, связанным с землей, ощущение «долгов наших» перед отчим домом, боль за судьбу родной деревни. Это сближает многие произведения художника с той

линией развития, которая идет сегодня через лучшие работы вологодских живописцев и графиков, поэтов и писателей. Постепенно и достаточно сложно совершенствуется художественно-образная система творчества Асафова, идет трудный процесс выявления в холстах тех принципиальных жизненных и творческих задач, которые он ставит перед собой.

Живописные работы Асафова экспонировались на областных выставках, были показаны на зональной художественной выставке в Сыктывкаре. Первая персональная выставка состоялась в вологодском Доме художника в 1976 году. За прошедшие с того момента годы художник много и напряженно работал. Выставка в областной картинной галерее в 1983 году впервые представляет зрителям основные работы, созданные в Вологде за последние 6 лет. Работы Асафова отличаются своеобразным творческим почерком. Их нельзя спутать на любой выставке с произведениями других авторов. Большие тематические картины и маленькие пейзажи, портреты заставляют задуматься, попытаться осознать и оценить их художественный смысл. Безусловно, не все сегодня в произведениях художника нас удовлетворяет, многие картины Асафова полемичны. Вместе с тем, в творчестве художника нельзя не увидеть незаурядные качества глубокой и смелой мысли, искреннего чувства, серьезные, поставленные на высокий профессиональный уровень, поиски мастерства.

Асафова отличает своеобразие путей художественного отбора явлений окружающей действительности. Чаще всего, идя в построении работ от конкретных характеров и ситуаций, он переводит их в иное русло. Художник сознательно обобщает, монументализирует фигуры людей, формы предметов, выделяет главные мотивы и качества для раскрытия основных слагаемых жизни и труда человека, природы. Не случайно одна из работ Асафова названа «Земляне», в содержании других менее всего проявляется интерес к бытовым жанровым подробностям и сиюминутной характерности. Это просто — «Ночь», «Весна», «Лето», «Женщины», «Мужики», «Пахари». Это собирательный образ вечного жизненного, трудового круговорота с его суровыми заботами и общими радостями.

Своеобразны композиции картин художника. Это конструкции основных объемов и плоскостей, соотношения предметов, деревьев, человеческих фигур с пространствами земли, неба, воды. За каждой работой стоит серьезная пластическая и смысловая задача. В изображении человека Асафов подчеркивает наиболее характерные позы и жесты, через которые раскрываются главные побуждения и состояния героев, их чувства. Это ощущение суровости и тяжести труда в чуть наклонившихся фигурах женщин в картине «Без мужиков», дру-

жеское единение сидящих вместе, бок о бок, женщин в картине «Весна», уверенность размеренного шага идущих на работу мужчин в картине «Утро». В работе «Рожь созрела» нас прежде всего привлекает жест рук, немой диалог двух людей. Парень протягивает руку к ладоням девушки, в которых зерна ржи. Лица намечены основными линиями, но в самой избирательности жеста, найденности деталей раскрывается многозначно то, что происходит. Это как бы извечная встреча молодости, пробуждающееся чувство и вместе с ним ощущение радости труда.

Среди последних работ выделяется большой холст, названный «Молодые». У дома летним вечером сидят пожилые мужчина и женщина, которых и сегодня в деревне называют «молодыми». Работа написана в темных коричневых тонах, которые скрадывают детали окружения. Главное в картине — добрые и чуть улыбающиеся лица: верно прожита жизнь. Своеобразие живописи Асафова проявляется в цветовом решении картин, в характере работы над красочной структурой холста. Многие произведения художника на первый взгляд кажутся чересчур темными и почти монохромными. Попытка пластической типизации окружающего мира для выявления основных черт жизни естественно приводит и к обобщенности цветового решения. Это проявляется в серии картин о крестьянском труде, о памяти — «Отцовское», «Материнское», «Без мужиков», в которых преобладают холодные серо-голубые тона. Скупость в использовании цвета сознательно связана с общим сурово-монументальным замыслом произведений.

Когда глаза начинают привыкать к особенностям живописи Асафова, многие его «темные» работы постепенно обнаруживают богатство оттенков цвета, тонкую и нюансированную живопись. С точки зрения живописных качеств примечательна картина «Мать» 1977 года. Это небольшой холст с характерными для Асафова композиционными приемами. Со спины, в рост изображена женщина у плетня, в руке коса.

Других примет почти нет, все остальное раскрыто в цвете, характере наложения краски на холст. Красное платье женщины как огонек светит на зеленом лугу.

Творчество Асафова интересно постоянным обновлением, поисками. Он много и напряженно работает, не спешит выносить новые работы на суд зрителей, вновь и вновь обращается к старым и новым холстам, выверяя их качество. В творчестве Асафова сложилась определенная система изобразительного языка, которая ясно просматривается в основных произведениях.

В последние годы художник обратился к выражению в искусстве новых эмоциональных состояний, новых сюжетов и тем. Это чувству-

ется даже в названиях работ 1980 года — «Друзья», «Отдых», «За счастьем». Для них выбраны и новые цветовые сочетания с преобладанием теплых, светлых тонов — красное, желтое в многочисленных оттенках и соотношениях. Рядом с большими тематическими картинами привлекает внимание серия пейзажных этюдов, выполненная в Феропонтове, в которых искренне проявилось эмоционально непосредственное ощущение природы — закатов, вечеров, солнечных дней.

В живописи Асафова сегодня творчески решаются общественно важные вопросы. Это — жизнь деревни, шире — жизнь нашего современника, с его заботами, проблемами, радостями. Важно, чтобы большие задачи, которые художник ставит в искусстве, нашли воплощение в той художественной форме, которая даст зрителю возможность ощутить трудный и радостный мир современности.

*«Генрих Асафов». Живопись. Вологда.
1983 г., (каталог)*

И. БАЛАШОВА

СЫН КУЗНЕЦА И КРУЖЕВНИЦЫ

«Народ хочет видеть в глазах художника свою судьбу. Вот почему картина должна быть обязательно народной. И притом художник не должен идти на поводу у народа, он обязан ввести его в свой мир искусства, и если этот мир широкий, добрый и талантливый, народ пусть не сегодня, но обязательно пойдет за художником, поверит ему и станет в своей жизни сильнее».

Генрих Асафов

Деревенская тема — основная в вологодской живописи и литературе, и это естественно для края по преимуществу сельского. Генрих Алексеевич Асафов, 53-летний живописец, не просто сразу и навсегда избрал ее для себя, а всегда жил этим, поэтому искусство его органично и подлинно. Но, рисуя северную деревню, он использует прием живописи авангарда начала века, русскую икону и лубок, что вызывает интерес и споры.

Вот одна из картин мастера под названием «Отдых». Уставшая от трудов пожилая крестьянка присела передохнуть. Уже вечереет, и золотой свет заливает ее фигуру, превращая в изваяние. Женщина

так утомлена, что будто окаменела, и кажется, будто и сто, и двести лет жила и работала.

Попытаюсь выразить собственное понимание живописи этого непростого автора. В начале это kloкочущая лава непосредственного чувства, острой любви к миру. Застывая, она становится громадами скал и утесов. Художник, рисуя своих героев, будто вырубает их из камня; порода сопротивляется, и они с усилием появляются на свет. Это подобно северному характеру и облику. Сам Асафов таков — могучий, крепкий, неречистый. Когдаходишь на выставку его картин, поражает яркость, многоголосье цвета и суровость исполинских форм. Попадаешь в мощное энергетическое поле, оно захватывает и будто пронизывает электрическими разрядами.

Посетители, просвещенные в вопросах искусства, гуляя на вернисаже, перебрасывались между собой репликами: «Кто это — Малевич, Филонов... Кто он?» А художники, друзья автора, почти обиженно утверждали: «Нет, это Асафов». Действительно, это Асафов, художник со своим лицом. Хоть и воспринял он художественный опыт многих русских и европейских мастеров начала века. Это настоящий деревенский житель, уроженец Устья-Кубинского, упрямый вологодский мужик. И вся его любовь, вся сила искусства отданы им вологодской деревне, Земле и Небу, Человеку, живущему на ней, как сказал он на открытии выставки.

Почему сын кузнеца и кружевницы после окончания Суриковского института в Москве избрал для себя такой не всем понятный стиль живописи? В тайны творчества никому не дано заглянуть. Но сюжеты его полотен понятны и знакомы всем, жившим в деревне: косьба, уборка сена, тербление льна, заточка косы...

Асафов взялся за живопись в 60-е годы. Тогда в нашем искусстве существовало направление «суровый стиль». Молодые художники, подобно писателям, стремились правдиво, без прикрас рассказывать о простом человеке. Впоследствии Генрих упрямую простоту и грубоватость этого стиля повел по линии все большего заострения и пришел к картинам, внешне напоминающим опыты Малевича и Гончаровой, некоторых французов. Отказ от традиционной академической манеры живописи, тяга к упрощению формы и сведению ее к знаку происходил по глубоким внутренним причинам. Острее и ярче выразить основы крестьянского бытия, его сущность, постигнутую собственными руками — вот что побуждало к этому.

Задумаемся над тем, какого напряжения требует косьба, стогавание, да все дела в деревне. Сколько неторопливой, рассчитанной силы. Поэтому там веками была рассчитана вся сумма необходимых для каждого трудового процесса усилий. Деревенские жители гово-

рят скупю, кратко и лишних движений они не делают, каждое направлено к цели и достигает ее. В этом особая верховая мудрость, жизненная необходимость.

В полотнах художника эта неторопливость движений, логичность жестов превращаются в символические знаки, так как это бывает в ритуальных действиях. Сцены крестьянского труда возводит живописец в ранг великих, вечных событий. Чувства ясные и цельные выражаются в рисунке естественной, без ухищрений линией, ясными, как цвета природы красками. Свои впечатления от многообразия мира автор передает лаконично, подобно мастеру народной песни, сказки, лубочной картинки.

Вот бабье лето. Живописец не изображает золото листья и красноту рябины на лазоревом небе — эти счастливые краски он заключает в одеждах своих деревенских мечтательниц («Бабье лето»). Обыденность тяжелой, часто трагической деревенской жизни знакома художнику с военного детства («Без мужиков»). Неслучайно в 70-е, начале 80-х годов он писал в черной манере, передавая свою боль о деревне, показывая незаметный и каждодневный подвиг крестьянина. Но природный оптимизм, здоровое начало, идущие от крестьянской семьи, привели мастера к яркому звону его последующих холстов. Жизнь восторженная, неукротимая, с юмором, песнями, байками... Фольклорный настрой многих новых картин автора не в сюжетах, которые не изменились, а в яркости контрастных красочных масс. Цветах с расписной прялки, волшебнo разлетевшихся по полю картины («За прялкой»), спелых яблоках, заполнивших раму картины («Осень»), или крохотной красавицы, что привиделась на стоге сена уставшему до черноты в глазах молодому парню («Стог»). Художник все время в работе, в поиске. Энергия его кажется неисчерпаемой, мастерство мощно и, безусловно, это залог достижений будущего.

«Белая горница». — 1993, Архангельск, №4.

В. АРИНИН

«ОТ КУБЕНЫ ДО ВОЛОГДЫ», ОТ ЛУБКА ДО АВАНГАРДА

На открытие персональной выставки

Живопись Генриха Асафова — явление не бесспорное, в чем-то парадоксальное. С одной стороны — человек «от земли», из вологодской деревни, нутром своим знающий, что такое крестьянский труд, и множество раз себя изобразивший за сельской работой. Асафов реален, как земля, как деревня. И так узнаваемо реальны его виды Вологды и других вологодских мест!

А с другой стороны — модерн, примитивизм, необычайный колорит. Я спросил у художника, почему так называется его выставка — «От Кубены до Вологды». И он ответил:

— Я на Кубене родился, а в Вологде пригодился. А образы двух рек — Кубены и Вологды — для меня символы и Родины, и творчества.

Заслуженный художник России Владимир Корбаков на открытии выставки говорил, что, по его мнению, Генрих Асафов — колорист номер один на Вологодчине. Он самоотверженно служит искусству. Это — главное в его жизни. Ныне, в трудные времена, художник очень нуждается, но старается не продавать свои работы. Они все для него — как любимые дети. «А для меня, — так сказал В. Корбаков, — Генрих Асафов — один из самых любимых художников».

Научный сотрудник Вологодского музея-заповедника Ангелина Глебова говорила, что ныне, когда столь модно подражать народному искусству, нарочито и искусственно использовать приемы иконописи, Генрих Асафов как раз органично и естественно соединил в своей живописи и то, и другое.

Ведущий специалист музея-заповедника Мира Даен сказала, что традиции народного искусства и иконописи, в том числе северные традиции, ярко и по-новому использовали в своем творчестве мастера русского авангарда. И это — выдающееся искусство. Оно переживает нас, наших детей и внуков. И Генрих Асафов по праву принадлежит к этому искусству.

Г. АНДРЕЕВА

В УСТЬЕ БУДЕТ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

К 15 часам 8 декабря актовый зал Усть-Кубинской средней школы был полон. Люди пришли на встречу с художником Генрихом Алексеевичем АСАФОВЫМ. Его появление в зале было встречено аплодисментами. Так приветствовали земляки знаменательное возвращение на малую родину бывшего цирковского паренька, ставшего известным художником.

Открывая встречу и представляя приехавших вместе с Генрихом Алексеевичем его друзей и коллег, заведующая отделом культуры Л. Ю. Смирнова назвала это событие важным для района, в каком-то смысле даже историческим, а гостей — высокими. Так оно и было: в Устье приехали известные не только в нашей области, но и далеко за ее пределами народный художник России, почетный гражданин Вологды Владимир Николаевич Корбаков, ответственный секретарь его благотворительного фонда Михаил Андреевич Субботин, ведущий специалист областной картинной галереи, искусствовед Ирина Борисовна Балашова, член правления Вологодской региональной организации союза художников России Юрий Сергеевич Коробов, члены союза художников России Виктор Константинович Седов и Валентин Ульянович Едемский. Их сопровождали председатель недавно созданного в областном центре Усть-Кубинского землячества В. С. Боголепов, член совета землячества В. Э. Лебедев, журналист областного радио М. Кубенский и тележурналист В. Есипов.

Выставка работ Генриха Асафова в нашем районе организована впервые. «Родина моя» — это название дал ей сам художник. Торжественное открытие выставки предполагалось предварить пресс-конференцией Г. А. Асафова и его коллег. Но наша публика не искушена в подобных мероприятиях, поэтому собравшиеся в зале просто с большим интересом слушали выступления гостей. Первым из них взял слово В. Н. Корбаков:

— Очень большое, важное событие происходит сегодня в Устье. Мы, художники, занятые областным, российским и даже заграничным зрителем, не всегда уделяем время тем местам, где родились, которые очень нуждаются в красоте. К вам в гости приехали ведущие художники нашей Вологодской губернии. Чем чаще будут происхо-

дить такие встречи, тем легче будет жить и вам, и нам. Асафов — мой любимый художник, я с ним дружу и многому у него учусь. Солнышком вологодской живописи назвал я его в день его юбилея — это правдивые и своевременные слова. Отличительной чертой настоящего художника является его скромность. Генрих — очень скромный человек. С начала перестройки художники раскололись на две половины: первая стрижет купоны за рубежом, неплохо продавая там свои работы, и почти не участвует в творческом процессе в России, в области. А вторая весь свой талант отдает родному народу, питает и обслуживает своего, вологодского зрителя. Асафов принадлежит ко вторым. Хотя четыре его работы имели большой успех на выставке пейзажа «Зелёный шум» на Поклонной горе в столице, 22 декабря в Москве откроется выставка к 2000-летию Христа — самая главная выставка века, и Генрих Алексеевич будет ее участником. Очень хочется, чтобы его увидел и зарубежный зритель. Люди такого таланта — очень большое событие в жизни народа. Он создает новое, хорошо владеет цветом и эмоционально влияет им на зрителя. Я мечтаю, чтобы вышла книга о его творчестве. Это человек, который не хочет продавать свои работы, он хочет, чтобы они остались на родной земле. Он художник плодовитый, но плохо живущий. Так уж повелось, что художника, пытающегося сделать что-то новое, не всегда понимают современники. Зато потом часто оказывается, что именно такие художники создают славу своего народа. Когда мы гуляля сегодня по вашему красивому городку, я вспоминал, как мы с Генрихом познакомились. В 60-х годах я ежегодно приезжал в Усть-Кубинский район рисовать. Устье — удивительно красивое место. Нам всем очень захотелось приехать сюда весной, летом. Надо, чтобы красота ваших мест и людей остались в истории, в живописи. Человека надо воспитывать красотой. Очень полезное дело делают вологодские художники — почти в каждом районном центре мы организуем выставки. Все 39 работ, которые показывает в Устье Асафов, он дарит вам. Генриха Алексеевича я поздравляю с открытием его персональной выставки на родине, а вас — с тем, что ваша земля породила такого талантливого художника.

— Мы все давно знаем Генриха Алексеевича, — сказала И. Б. Балашова. — Он взрослее меня, но как художник рос и вырослел на моих глазах. Поэтому у меня была прекрасная возможность понять его творчество. С одной стороны, оно простое и ясное, с другой — сложное и непонятное. Некоторые зрители обижаются, если картина — не зеркало и не фотография. Асафов — художник-философ, он не просто фотографирует свой край и его людей, он старается сказать о них главное: что такое есть судьба, жизнь деревенского

человека. Он очень лаконичен, но его простота — кажущаяся, к ней он шел всю жизнь и идет до сих пор. Почему у него такие картины? Вы знаете, что такое жизнь в деревенском доме — вот он так же экономен в своем творчестве, как экономен сельский житель. Асафов сильно и мощно заявил в живописи о сильных сторонах жизни человека. Его картины — не красивенькая и сладенькая карамелька. В них — сила, энергия, яркий цвет. И для их осмысления нужны сила мысли, энергия. Это большое искусство, требующее от зрителя работы души и ума. Вы увидите сегодня 39 картин, написанных в различные периоды жизни художника. Я эти картины вижу впервые, их не было на трех персональных выставках Генриха Алексеевича. Поверьте, вам позавидовал бы любой музей мира!

Ю. С. Коробов назвал Генриха Алексеевича Асафова звездой первой величины в Вологодской областной организации художников «Ежегодные выезды наших художников в различные уголки области кладут начало созданию в них картинных галерей, — сказал Юрий Сергеевич. — Сегодня такой день пришел к вам в Устье».

М. А. Субботин, как оказалось, имеет к нашему району самое непосредственное отношение — в 1961-1964 годах он был директором совхоза имени Ленина. Вместе с ним приехала супруга, работавшая в те годы воспитательницей в детском доме. «Недели 2-3 назад, — сказал Михаил Андреевич, — Асафов пригласил меня поехать вместе с ним в Устье. Я с радостью согласился. А весной я получил приглашение на его персональную выставку, в приглашении было написано, что он участник выставок с 1968 года. Вношу ясность: первая выставка Г. А. Асафова была устроена мною в Устье в 1961 году, на ней выставлялось около 50 работ.»

В. К. Седов помогал Генриху Алексеевичу оформлять нынешнюю выставку. «Жители Великого “Устья-Кубенского! — обратился он к сидевшим в зале. — Ваш край — Богом найденное место, отданное людям. Песчаная гряда, прекрасные леса, Кубена, Кубенское озеро... Асафов учился в Ярославле. Мне тетка рассказывала, как в годы войны немцы бомбили этот город. Но они «охотились» за промышленными объектами, заводами и не разрушили столько памятников истории и архитектуры, сколько разрушено в вашем поселке. Слава Богу, что сегодня все это по крупицам возрождается. Ваша природа, вы все — главные участники творчества Асафова, все его сюжеты посвящены родному краю, в разных вариантах в них присутствует ваша с ним неразрывная связь. Великих и гениальных людей мало, усть-кубинские Коничев и Асафов — в их числе. Асафов — интересный, потрясающий, в будущем — великий художник, который прославит ваше Великое Устье-Кубенское. Иногда художник рождается

после истинного своего рождения лет на 100 (как, например, вологодский художник В. Страхов, рисующий прошлый век), иногда точно в свое время (как В. Корбаков — он нужен именно тому времени, в котором живет). Асафов же родился лет на 100 раньше, его цветные альбомы и каталоги выйдут позже. Сейчас он как бы в гостях у нас. Сегодня — первая ласточка, открытие галереи в Устье. Поздравляю вас с этим событием, с тем, что у вас такой талантливый земляк!»

«Я родом из Тарногского района, — сказал В. У. Едемский. — У нас тоже очень красивые места. Но сегодня пошел по вашему поселку, и очень захотелось, чтобы вы пригласили нас на пленэр. Мы бы поработали здесь, и каждый бы оставил в вашей галерее по 1-2 картины. Тогда и у вас была бы своя галерея.»

Радиожурналист М. Кубенский назвал Генриха Алексеевича замечательным, добрым, светлым человеком и раскрыл такой «секрет»: Асафов пишет не только картины, но и стихи, и прозу.

И вот настал самый волнующий момент — к микрофону подошел сам виновник торжества, Генрих Алексеевич АСАФОВ:

— Огромное спасибо вам за то, что пригласили меня. Сам бы я не рискнул напроситься на выставку, хотя работы для вас у меня всегда были готовы. Место для моих работ приготовили великолепное, и стены подготовили именно так, как я хотел. Чувствую, что пока жив и в силах, должен сделать так, чтобы в Усть-Кубинском районе была своя картинная галерея. Вчера в этом зале у меня была встреча с пятиклассниками. Решил на них проверить некоторые свои задумки, посмотреть, чем они живут, чего хотят. Человек 15-20 из них сказали, что интересуются живописью. В их возрасте мечтал научиться рисовать. Думаю, что и сегодня в Устье найдутся 2-3 пацана, которые так же сильно хотят быть художниками. После встречи с этими ребятами я понял, что напрасно волновался. Решил, что все картины, что привез сюда, подарю вам. Когда в населенном пункте есть картинная галерея — есть большой культурный момент: начинается что-то очень важное, может быть, даже важнее экономики. А если еще и дети включаются в этот процесс — это и есть самое великое, чего мы ждем.

Слушая выступления, вникая в раскрываемый ими образ нашего земляка, многие из тех, кто сидел в зале, ощущали чувство неловкости — большинство из нас так мало знает о художнике Асафове, многие вообще не видели его картин. Поэтому очень своевременно прозвучали из уст Л. Ю. Смирновой следующие слова:

— Мы должны все вместе извиниться перед Вами, Генрих Алексеевич, за то, что так надолго опоздали, так долго шли к Вам, долго искали и ждали Вас, мы даже не были на Ваших выставках. Простите

нас! Но главное в том, что мы все-таки встретились. Мы сделаем все, чтобы исправить свою ошибку. Для нас это очень важно, и мы рады, что районная власть поддержала наши начинания.

— Сегодня в Устье великий день, — подтвердил глава районного самоуправления В. А. Морозков. — Мы соприкоснулись с истинной культурой. Когда слушаешь яркие выступления творческих личностей, ощущаешь их душевный талант и понимаешь: есть надежда, что в Усть-Кубинском районе не только будут решены практические, хозяйственные, меркантильные вопросы, но мы начинаем думать и о душах, о нравственности, о первичных и вечных ценностях. Встреча с художником-земляком дает начало осознанию по-новому нашей малой родины. После его картин наши земляки по-иному посмотрят на свои родные места. Правы выступавшие: в работах Генриха Алексеевича есть символика, какой-то тайный смысл, без его подсказки не все из них сразу понятны. Но это наши места, вы их обязательно узнаете. Мы соприкоснулись не только с талантом художника, но и с талантом его души. Его бескорыстие, скромность и честность — пример того, как надо сегодня жить. 39 подаренных району работ наверняка имеют огромную цену, поэтому нашу благодарность Генриху Алексеевичу оценить невозможно.

В. А. Морозков вручил Г. А. Асафову приветственный адрес, цветы и памятный подарок. Цветы преподнесла художнику и глава поселкового самоуправления Е. А. Калабашкина, поблагодарив его за золотые руки, щедрость и внимание к землякам, за то, что в картинной галерее Устья будут работы, которыми можно похвастать.

— В Устье раньше часто бывали и художники, и поэты, — сказал председатель землячества усть-кубинцев в Вологде В. С. Боголепов, — и наше землячество видит свою задачу в том, чтобы это возродить. Вы уже немало сделали по возрождению культурного наследия района. В Устье есть свои самобытные художники — самородки. А Генриху Алексеевичу я желаю чаще выставляться и чаще встречаться с земляками.

Директор Усть-Кубинской средней школы Е. П. Соловьева, вручая Г. А. Асафову памятный сувенир, высказала свою мечту о том, чтобы в школе появилась своя картинная галерея. И поделилась новостью: они с Генрихом Алексеевичем уже договорились о том, что это будет.

А потом состоялось открытие выставки. Первую экскурсию провела И. Б. Балашова. А зрители убедились, что Г. А. Асафов — действительно талантливый художник — философ и поэт, всей душой преданный своей малой родине. Земляки очень тепло и восторженно приняли его дар. Сам Генрих Алексеевич был счастлив — об этом не

надо было даже спрашивать, достаточно было видеть его в окружении тех, кто пришел на выставку. А среди зрителей оказалось немало его хороших знакомых, бывшие одноклассницы, друзья детства и юности.

Я намеренно ничего не пишу о картинах, представленных на выставке — их надо смотреть не в ходе торжественной церемонии открытия. Теперь у каждого из жителей района есть возможность познакомиться с творчеством талантливого земляка. Выставка работает в районной библиотеке. Посетите — не пожалеете.

А завершить репортаж об открытии картинной галереи вынуждена не праздничными рассуждениями. Думаю, что большинство из присутствовавших на встрече с художниками будут солидарны со мной. Очень приятно было слышать, как наше Устье называли красивым городком, прекрасным уголком природы, Великим Устьем-Кубенским (В. К. Седов с иронией подметил, что город Великий Устюг скоро официально будут называть родиной Деда Мороза, значит, Великим должно стать Устье). И было стыдно от того, что мы, живущие в районе постоянно, за каждодневной суетой не замечаем красоты вокруг себя, более того, делаем все возможное для того, чтобы испортить ее. Привыкли к беспорядку, грязи, развалинам старых домов. Перестали гордиться своим поселком, украшать его, не ценим своего богатства, не умеем пользоваться им. Гости очень деликатно напомнили нам об этом.

«Северная новь», 16 декабря 2000 года.

Г. АЛЕКСАНДРОВА

ДАР ХУДОЖНИКА РОДНОЙ ШКОЛЕ

Накануне Международного женского дня в Усть-Кубинской средней школе царило особое настроение — все жили ожиданием праздника.

Уроки закончились раньше обычного, в коридорах то и дело на встречу попадались девушки с гвоздиками в руках, женщины-педагоги были по-особому красивы и торжественны: в этот день они без конца принимали поздравления и подарки. Но самый главный подарок (для всей школы) был впереди. В кабинете литературы под номе-

ром 21 была готова ко встрече со своими первыми на устьянской земле зрителями выставка картин художника Г. А. Асафова. На обтянутой серым материалом задней стене по-хозяйски расположились три больших красочных полотна и 11 маленьких картин. Отныне они будут постоянными обитателями этой классной комнаты, так как Генрих Алексеевич преподнес их в дар своей родной школе. На открытии выставки присутствовали учащиеся и педагоги школы, представители трудовых коллективов и общественности поселка, официальные лица. Открыла торжество директор школы Е. П. Соловьева, с ответным словом выступил Г. А. Асафов, со словами благодарности и признательности в его адрес — учителя В. А. Гладцынов, Л. В. Соколова, Г. Л. Трифанова, Т. И. Судакова, М. Н. Омелина, глава районного самоуправления В. А. Морозков, заведующий роно В. Ю. Шурманов, одиннадцатиклассница М. Трифанова, Ю. А. Стригин. Все выступавшие отмечали, что открытие картинной галереи в школе — это особое событие не только для ее коллектива, но и для всего района. Искусство двинулось в народ в период разгула в стране всякой нечисти — вот главный смысл этого события. Оно не всем понятно, но пусть уж лучше подростки спорят о достоинствах и недостатках живописи, чем о наркотиках, спиртном и т.п. Выставка станет хорошим подспорьем в воспитательной работе.

Художник подарил школе свой первый цветной каталог, презентация которого вскоре состоится в областном центре, и сборник собственных стихов с авторскими рисунками, а в ответ получил цветы.

Подробнее мы расскажем об этом знаменательном событии позднее, а также опубликуем письмо, которое принес в редакцию Генрих Алексеевич Асафов.

«Северная новь», 13 марта 2001 года.

Г. АНДРЕЕВА

«Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ, КАК ВСЕ»

Слова, вынесенные в заголовок, художник Генрих Алексеевич Асафов произнес в день, когда было положено начало картинной галереи в Усть-Кубинской средней школе. И надо было видеть его в тот момент: он не рисовался, не кокетничал, а очень эмоционально и искренне выразил свое жизненное кредо. Раз-

говор происходил уже после открытия выставки, после торжественных речей, в узком кругу. Генрих Алексеевич был откровенно счастлив, очарован тем приемом, который оказали ему в стенах родной школы. «Я даже не ожидал...», — несколько обескуражено повторял он. А потом поведал несколько эпизодов из своей жизни, которые можно назвать судьбоносными.

В 1976 году Генрих Алексеевич вернулся из Москвы, поняв, что столица — это не его стихия. Поехал к матери в Устье и от Высоковской запани шел пешком по берегу Кубены. Шел и с упоением дышал родным воздухом, смотрел на родные места. И вдруг наткнулся на подкову. Почему-то сразу решил, что она — отцовская: отец был кузнецом и немало их выковал за свою жизнь. А еще нашел позелевшую от времени трехкопеечную монету. Находки, считает Асафов, были знаком судьбы, подтверждением того, что он совершенно правильно поступил, порвав с московской богемной жизнью. Она могла очаровать вчерашнего солдата, но не зрелого мужчину — философа, поэта и художника с чистой душой крестьянина. Так началось возвращение к самому себе. Было оно непростым, и главным образом потому, что встретило (и до сих пор встречает) совершенно искреннее непонимание и неприятие многих «маститых» коллег. Но Генриха Алексеевича это, по-видимому, очень мало заботит. Не признают? Не понимают? Да Бог с ними! Главное, что он сам с собой, со своей совестью, с памятью о своих предках в ладу.

«В Москве я только два года был счастлив» — признается Генрих Алексеевич. — Лучше всего мне работается на даче. Там я и в земле покопаться могу, и с косой пройтись — это дает силы творить. Теперь я хочу заселиться со своим искусством в самую-самую глубинку. Пригласили в апреле приехать в село Богородское, в школу. Обязательно поеду! И обязательно с подарком».

Так оно, без всяких сомнений, и будет. Земляки — это те же самые родные люди, их нельзя обмануть или подвести. И пусть твердят коллеги, что искусство Асафова сложно для понимания, тем более в неискушенной провинции. Возможно, до поры до времени картины Генриха Алексеевича и в самом деле трудны для восприятия, но только до тех пор, пока не пообщаешься с самим художником. А все картины, которые получили (и наверняка еще получат) постоянную прописку на родной усть-кубинской земле, Генрих Алексеевич представляет зрителям сам и этим как бы раскрывает им глаза. Все сразу же становится понятным и удивительно близким.

«Художник не должен делать, как в жизни. Он не фотограф. Главное — самому себя не обманывать, свою душу, тогда он и зрителя не

обманет. Я не боюсь, что меня кто-то не поймет, готов спорить, доказывать. Все мои картины — жизненные, и я их очень люблю». Скажете, нескромно так говорить? Почему же? Разве не должен каждый человек быть самим собой? Мы и так слишком долго жили по принципу «как все».

На торжественном открытии выставки картин Асафова в школе в его адрес прозвучало много искренних комплиментов, слов признательности и благодарности. Без преувеличения, все они — заслуженные. Кто в наше смутное время способен на такой щедрый дар (в общей сложности Генрих Алексеевич подарил району уже 53 картины)?

«Смысл не в том, чтобы сытно и безбедно прожить жизнь, — сказала учительница истории Л. В. Соколова, — а в том, чтобы оставить после себя след. Мы часто на уроках говорим об искусстве, о том, что художник передает в картинах свой внутренний мир. Сегодня мы видим духовный мир, прекрасную душу художника-земляка. Генрих Алексеевич, Вы свою жизнь живете не зря — ваша душевная красота будет отныне жить в вашей родной школе».

«Русская земля всегда славилась подвижниками, — продолжила учительница литературы Г. Л. Трифанова, — и очень приятно, что не перевелись еще немеркантильные люди».

Для нынешних учеников школы, считает одиннадцатиклассница Маша Трифанова, Г. А. Асафов — яркий пример того, каких высот могут достичь выпускники обычной школы. А глава районного самоуправления В. А. Морозков подчеркнул, что художник Асафов переживает свое второе рождение на усть-кубинской земле, а в его картинах, подаренных землякам, столько света, искренности и любви к малой родине, что мимо них нельзя пройти равнодушно. Они — настоящий урок доброты.

Об этом же сказал и учитель иностранного языка В. А. Гладцынов, назвавший дар художника школе — великодушным, добрым поступком. Все без исключения выступавшие говорили о том, что очень рады знакомству с искренним, душевным, талантливым человеком. А заведующий роно В. Ю. Шурманов отметил, что с возвращением Генриха Алексеевича на малую родину в районе зазвучала тема меценатства, очень популярная когда-то на Руси. И зазвучала очень своевременно, потому как нет сегодня в России более важного дела, чем нравственное и духовное спасение подрастающего поколения. Пусть только 14 ребятишек оттают душею возле этих 14 картин — это и то станет огромной заслугой художника. Владимир Юрьевич предложил Генриху Алексеевичу войти в состав попечительского совета при школе. А учительница литературы Т. И. Судакова, которая когда-то училась с Аса-

фовым в одном классе, выразила ему всеобщую глубокую признательность за подвижничество, за благородный шаг: «Тяжело расставаться с самым дорогим, а Ваши картины — это Ваша душа, Ваш клад. Разве не приятно нам осознавать, что Вы расстаетесь с ними ради родной школы? А мы будем воспитывать на них своих учеников, будем постоянно обращаться к ним». Завершила Тамара Ивановна свое выступление полушутливо-полусерьезно: «В нашей школе много стен для даров ваших именитых коллег-земляков». Кто знает, может, широкий жест художника Асафова сподвигнет на подобный благородный поступок и еще кого-то из вологодских художников?

«Северная новь», 17 марта 2001 года.

Л. СОСНИНА

«Я — ЗЕМЕЛЬЯНИН»

Это образное выражение, введенное в обиход самим автором, как нельзя точно выражает человеческое и творческое кредо художника Генриха Асафова. Живописец, поэт, философ, как органично сочетает все это его цельная и сильная натура. «Земельян», или проще «Земеля» — это человек, живущий на земле своих земляков, слитый с ними настоящим, прошлым и будущим, Он «принимает умом и чувствует сердцем простую потребность земельного творчества, без которого выветривается душа, слабеют руки, скользит разум, что, в конце концов, может привести к размытости святых жизненных дорог». Так сам художник определяет сущность человека, слитого со своей землей, черпающего из нее вдохновение.

Оглядываясь назад и вспоминая первые творческие шаги Асафова, понимаешь, как последовательно и целенаправленно он «формировал» себя, свою жизнь, свое искусство. Искания, свойственные молодости, позвали начинающего автора в столицу, открыли мир суровой правды, где истинное и наносное существовали рядом. Крестьянские корни помогли выжить, разглядеть правду, сбросить шелуху лженаваний, позвали на родину.

Анализируя круг творческих интересов художника, понимаешь, что на протяжении всех лет он разрабатывает одну тему — «смысл

жития человеческого». В нее умещается все: рождение, жизнь, любовь. В наше иронично — жестокое время, когда размыты идеалы добра и зла, Асафов видит и утверждает идеал простого человека-труженика. Его «житийные» картины, как некогда иконы, обращены к радателям родной земли. Только он изображает не избранных святых, а своих современников, земляков, в которых видит и соль, и хлеб отеческой земли. Отсюда и обобщенность, и символизм языка художника. Мужчина в его картинах — это тот стержень, вокруг которого течет слаженная и сложенная им самим жизнь. Женщина — это та солнечная сила, что согревает и продолжает жизнь в семье, в детях.

Символ смысловой выражается и в особой пластической форме его полотен, истоки которой мы находим в народной культуре, так называемом, примитиве. Но это не прямое повторение лубочных форм, не копирование языка новаторов начала 20 века. Живописная пластика картин художника доказывает глубокое знание традиций отечественного и мирового искусства и умение использовать их, доказывая их жизненную силу и выразительность. Язык полотен Асафова — это язык художника конца 20 века, вобравший в себя мировоззрение и психологизм своего времени. Не ту ли задачу утверждения исторической правды найдем мы в произведениях современных ему вологодских поэтов и писателей. От пророческих строк Николая Рубцова: «Россия, Русь, храни себя, храни» до поэтико-этнографического «Лада» Василия Белова.

Обобщенность и философичность полотен Генриха Асафова вовсе не означают их смысловой зашифрованности. Как в мудрой притче, глубинный смысл не декларируется художником, но он присутствует, как его мировоззренческий фундамент. Своеобразным проводником чувств автора служит цвет, то напряженно-драматизированный, то празднично-открытый, мажорный. Фольклорный характер сюжетного повествования, динамичный язык живописи «заставляют» художника выходить из рамок полотна, создавать дополнительную среду обитания своим героям. Потому и рама, окаймляющая картину, есть единое с ней стилизованное целое.

Сегодня в Вологде творчество Генриха Асафова — явление яркое и уникальное. Как сильная и цельная личность он притягивает к себе единомышленников и последователей, его поддержкой хотели бы заручиться многие. Но он, скрывая улыбку в бороде, глядя на мир чуть с прищуром, идет по жизни единожды избранным путем, через тернии к звездам.

«Асафов. Живопись». Каталог юбилейной выставки. Вологда. 2001.

А. КОЛОСОВ

КАРТИНЫ С ЗАПАХОМ ПАРНОГО МОЛОКА

Когда стало окончательно ясно, что единственную корову не удастся обеспечить сеном на зиму, а заветный аттестат об окончании средней школы пару дней пролежал среди остальных семейных документов в шкатулке, отец посоветовал без свидетелей: «Бежать надо отсюда, Генька! В город бежать. Может, выживешь...»

Летом пятьдесят седьмого бежать из деревни было сложно и страшно. Оставаться — еще страшнее. Потому и пришлось мимо Вологды рвануть в Ярославль. Авось из фэззухи в колхоз не вернут! Поработал маленько наш герой на шинном заводе, а потом, к удивлению не только собственному, успешно выдержал экзамены в художественное училище. С красным дипломом в кармане махнул подальше от греха — на Сахалин. Стать мудрым учителем рисования Генриху Асафову не дали молодость и армия. На страже Отечества в основном оформлял Ленинские комнаты, клубы и дембельские альбомы. Масштабы Родины, изменившиеся от деревни Чирково до шестой части суши и увиденные собственными глазами за время путешествия из Ярославля на Сахалин, будоражили кровь. Потом с первого захода поступил в Суриковку. Окончил. Стал успешно работать и выставляться в Москве. И вдруг началась «мистика». А точнее — ушли без возврата юношеская прыть и безоглядность. Накануне приема в Союз художников, в 1976 году, все московское оставил в Москве и вернулся в Вологду.

Тихо здесь. Патриархально до слез. И благостно до легкого головокружения. Так почему-то живет и ощущается в Вологде всем любителям истинной Руси, приехавшим на несколько дней из Москвы. У коренных вологжан, кроме говора на «о», не все так кругло и благостно получается. Вот уже которое столетие как нет недостатка разве что в надеждах на светлое завтра. Кое-что и меняется, может быть, но не так быстро, как в процветающих столицах. За последние несколько лет практически все райцентры связались с областной столицей асфальтовыми дорогами — стала неактуальной одна из двух общероссийских проблем. Со второй проблемой не все так просто. Как и в большинстве субъектов обновляющейся Федерации, мерилom

творческого успеха художника все больше считается его «продаваемость». Не стремящиеся к развитию любимыми путями покупательского спроса на себя — исключение, изгой, юродивый, «жить не умеет». Тем не менее некоторые «чудаки» до сих пор не имеют привычки заявлять о своей талантливости на каждом углу. И меньше всего задумываются о впечатлении, которое производят на окружающих. Живут, как у них получится. Делают то, что им нравится.

«Любое искусство создается только крупными мастерами. Вне их творчества нет ничего, и все направления в искусстве служат лишь для классификации бесталанных последователей. Когда появляется истинный художник, великий мастер, он берет все то, что было постигнуто и открыто в его искусстве до него, и с такой быстротой принимает нужное ему и отвергает ненужное, словно он родился во всеоружии знания...» Это написал Хемингуэй.

Художник Генрих Асафов готов подписаться под каждым этим словом. Он не любит тратить время на рассуждения о «новом слове» в современном искусстве. Как-то спросил невесть как оказавшегося у него в мастерской японского искусствоведа, что тот думает о его работах, а потом долго над собой посмеивался: «Ну что он мне мог ответить? Вот уж учудил...» Японец приобрел две работы и заметил через переводчика, что Генрих на верном пути. Слова пустые, банальные, а работы выбрал самые любимые. Вот и думай после этого, рассуждай о загадочности русской души.

Возвращение в родные места через многие годы спокойствия и умиротворения не добавило. Десятки вымерших и вымирающих деревьев, заросших сорняками и кустарником, исковерканных пьяным плугом поймы малых речек... Можно волком выть да голову осыпать пеплом. Можно горькую запить до полной потери чувствительности. Можно руки заламывать с причитанием об окончательной утрате корней своих. Вольному — воля.

— Когда я еще в школе учился, на фасаде районного Дома культуры дважды в год появлялись два огромных портрета. Не знаю, кто их писал, но момент их водружения местным художником я старался не пропустить, сколько себя помню. Картинной-то галереи ни коммунисты, ни демократы в Устье Кубенском не построили. А портреты с Дома культуры сняли давно. И если растет там хоть один пацан, который вроде меня очень хочет увидеть не только репродукции в книжках — что ему делать? А у меня в мастерской столько разных картинок накопилось...

Первую свою экспозицию в Усть-Кубинском районе, в которую вошли 39 работ, член Союза художников России Генрих Асафов так и оставил в районной библиотеке. Чуть погодя, после обстоятельного

разговора «за жисть» с главой районной администрации Валерием Морозковым, пришел в родную школу, чтобы поискать подходящую стеночку для очередной экспозиции. Открытие выставки приурочили к какому-то празднику. Было тожественно и волнительно. Учителя и ученики рассматривали настоящие картины, а около них прохаживался настоящий художник. Их выпускник, между прочим! В разговоре со школьниками выяснилось, что рисование им не преподают. Некому. Эти «картинки» тоже остались в районе.

Коллеги предупреждали, что сильно он рискует, подставляя свою голову под «топор» неподготовленного зрителя. И осмеяние предсказывали, и полное непонимание с неприятием...

Третью экспозицию Генрих Асафов подарил средней школе села Богородское. А совсем недавно открылась очередная выставка в Бережном. Тоже в школе. Как вы догадываетесь, и она передана в дар землякам. Мнений о своих работах за эти два года художник наслушался самых разных. А как иначе-то? Не документальная фотография, не зарисовки с натуры, очень интересные работы. Солнышком пахнут и свежим речным ледком, горячим от топорика бревном и парным молоком. Чистым песочком на берегу и непростой деревенской жизнью. Со всеми минусами, а может быть, и плюсами...

«Парламентская газета», 19 февраля 2002 года.

Н. АВДЮШКИНА

ГЕНРИХ АСАФОВ

«Художник... По-моему, звучит замечательно».

Говорят, человек, который видит цвет, перестает замечать детали и предметы. Наверное, поэтому в работах Генриха Асафова не встречаются холодные пейзажи, тени, полутени. Зрители видят плоские цветковые куски, почти как в мозаике. Синее огромное небо переходит в такую же синюю реку. Большое желтое пятно — дом — помогает художнику показать силу и мощь крестьянина, прочно стоящего на ногах.

Путь к своей манере письма, своему голосу в искусстве у Асафова был непрост.

— После школы, — рассказывает художник, — в Ярославле с отличием закончил профессионально-техническое училище, собрался поступать в технологический институт. Иду по городу и вижу художественное училище. Решил попробовать. На заводе взял отпуск, сдал экзамены, и меня приняли. Безо всякой подготовки. Стал учиться, получал повышенную стипендию. Училище закончил с отличием и после армии поступил в Суриковский институт.

— А как домашние отнеслись к тому, что вы получили профессию художника?

— Отец гордился, хотя в живописи ничего не понимал. Мать переживала. В Устье на каникулах меня дразнили вечным студентом.

Корни-то у меня □ крестьянские. Отец был кузнецом. Я в детстве и косил, и с топором управлялся. Могу баньку срубить, избу поставить. И хотя дипломную работу — мозаику — делал для киношников, рядом выставил эскиз кружевниц. Увидев его, одна дама из государственной комиссии безапелляционно заявила: «Кино в его жизни — всего лишь случайный эпизод. Асафов будет писать деревню, крестьян». Так оно и вышло. Я люблю крестьянина, труженика, который живет и работает в природе. Под небом. Под Богом, к которому он ближе всех. И это делает крестьянина для меня интересным, нравственно и духовно богатым. В идеале, конечно. Последние годы породили немало спившихся деревенских мужчин. Я же в своих работах показываю идеал. Поэтому мой герой такой крепкий, головастый философ. Его труд очень тяжел. Нужны выдержка, сила, выносливость. Я хочу выразить саму суть крестьянской судьбы. Могу, конечно, писать и детали, но таких художников много. А я не хочу повторяться. Я иначе воспринимаю время и через свою форму показываю современного крестьянина. Где-то сознательно стилизую, где-то обобщаю. Причем не только в рисунке, но и в цвете. Не хочу кому-то подражать, от кого-то отталкиваться. Мне это неинтересно. Просто работаю, что чувствую, то и делаю, совершенно не пугаясь — купят или не купят, понравлюсь кому-то или нет.

— А как воспринимали вашу живопись в Вологде? Препонов не чинили?

— Как же не чинили? Меня просто не хотели признавать. На выставки брали, ругать не ругали, но серьезно воспринимать не хотели. Говорили, что «тема крестьян, труда, сельского жителя уже не неинтересна. Она устарела. В колхозах и совхозах хозяйствуют трактора и комбайны, а ты воспевашь ручной труд. Это идеологически неверно».

Я не только никогда не соглашался с критиками, но и ничего им не доказывал. Просто спокойно шел своей дорогой. Хотя, знаете,

постоянно замечал, что мое искусство мыслящие люди принимали и приветствовали. Вологодская картинная галерея приобрела больше сорока работ, музей-заповедник — около десятка. Правда, нет никаких званий и наград, но меня это совершенно не смущает. Не хочу быть таким, как все. Слава Богу, в Москве посмотрелся, как эти звания выбиваются. И на «народных», которые к народу не имеют никакого отношения.

— Вы поддерживаете связи со своими земляками?

— Да. Родной школе в Усть-Кубенском подарил 14 работ, Селу Богородскому — 15, селу Бережному — 16. Эти работы — мои постоянные экспозиции. В районе никогда не было никаких картинных галерей. Вот я и решил подарить свои работы. Они висят до сих пор.

— И как зрители воспринимают авангард?

— Нормально. Одна старушка написала: «Надо же! Как в большом городе! Я впервые вижу такую выставку в Усть-Кубенском».

Администрация района даже решила дать мне звание почетного гражданина. Я долго отказывался, но они все равно приехали осенью в Вологду на открытие моей выставки и вручили награду.

— В вашем творчестве присутствуют не только светлые работы, но и темные. Почему?

— Поначалу я работал в темной манере, за что постоянно получал оплеухи. Даже из Союза художников хотели исключить. Но постепенно стал замечать, что небо голубое, деревья зеленые, солнце желтое. Попробовал написать ярко, свежо. Получилось. А тут и изменения в личной жизни наметились. Снова женился. Дети родились. Одним словом — через тернии к звездам. Потихоньку подошел к мажору. Я не боюсь быть грустным, не боюсь быть радостным. У каждого из нас свой мир. Хотя даже темные мои работы оптимистичны.

— А почему сами расписываете рамы своих работ?

— Сейчас много багета, но он — какой-то строгий, холодный. Мое же искусство — от природы. Поэтому его я оформляю простой заборной доской, немного распишу, где-то оставляю серое пятно доски, сучки. В результате рама как бы продолжает содержание картины.

— В вашей мастерской очень много этюдов, как правило, совсем небольших по размеру. Почему?

— Потому что на них не боишься работать смело. Что-то не понравилось, тут же закрасил, уничтожил. А если получилось, можно перенести на большую работу. Я делал попытки писать прямо в раз-мере, но не всегда получалось удачно. А из-за этого расстраивался. Настроение портилось, на душе кошки скребли...

— Рассказывают, что в юности вы даже снимались со знаменитым Шоном Коннери в «Красной палатке»?

— Еще на первом курсе я написал автопортрет и повесил его над своей кроватью. И к нам пришла женщина с «Мосфильма». Она искала парня, похожего на шведа. Увидев мой автопортрет, попросила ребят передать адрес студии и просьбу прийти на «Мосфильм». Все это было очень любопытно, и на следующий день я приехал. Зашел в павильон. Меня сразу же загримировали. Дали длинное пальто, кепку. Мне предстояло играть роль шведского корреспондента. В этом же эпизоде снимался и Шон Коннери. Но в то время я не знал, что снимаюсь вместе с известным актером.

Кстати, в институте со мной произошла еще одна история. Я учился на третьем курсе. Ко мне подошел скульптор-дипломник и сказал: «Слушай, парень! Тебя можно попросить попозировать? У меня диплом — скульптура Спартака. Выручи! Ты на него очень похож. Сколько скажешь, столько и заплачу». Я потерял дар речи. «Какие деньги! Спартак! Любимый герой! С удовольствием! А насчет оплаты не беспокойся. Чайку попьем или бутылочку разопьем, о жизни побеседуем». Цена устроила обоих, а в институте в скором времени появилась скульптура Спартака, которая стоит до сих пор.

«Наш регион», 20 марта 2002 г.

В. ВОРОПАНОВ

СЕКРЕТ ЗЕМЕЛЬЯНИНА С КУБЕНЫ

Генрих Алексеевич Асафов — самобытный вологодский живописец и литератор, развивающий в современном искусстве тематику и стилистику традиционной крестьянской жизни, творчески перерабатывающий наследие авангарда XX века и каноны народной культуры.

Генрих Алексеевич Асафов родился 19 апреля 1940 года в селе Чиркове Усть-Кубинского района Вологодской области в крестьянской семье. Его мать была кружевницей, а отец кузнецом. В 1957 году он закончил в Устье Кубенском среднюю школу и из-за бесперспективности деревенской жизни подался в город. Как потом о нем писали: «Забег оказался сверхмарафонским. Мимо Вологды в Ярославль.

Оттуда после ФЗУ, шинного завода и художественного училища — на Сахалин. Поработал маленько в школе, отслужил три года в Советской Армии и ринулся покорять Москву».

Одним из немногих среди современных вологодских художников Асафов, кроме училища в Ярославле, закончил и Московский художественный институт им. В. И. Сурикова в 1973 году, где учился на отделении монументальной живописи. Потом пытался устроить свою творческую жизнь в Художественном фонде в Кирове и в Москве. А в 1976 году окончательно вернулся на родину, в Вологду. О себе Асафов говорит так: «Я на Кубене родился, а в Вологде пригодился. А образы двух рек — Кубены и Вологды — для меня символы и Родины, и творчества».

Нельзя сказать, что смелые и оригинальные творческие искания художника сразу нашли понимание и достойную оценку среди коллег-живописцев и зрителей. Да и сам Асафов менее всего склонен к каким-то влияниям извне и вынужденным компромиссам. Он развивается своеобразно и идет своим путем постижения жизни и задач искусства. В его живописи явно прослеживаются два творческих периода. 1970-е и 1980-е годы — создание темных по колориту, монументализированных по композиции и тревожно-драматичных по ощущению жизни картин трудовой жизни. В последнее десятилетие художник стал другим: цветным, открытым, радостным, но не менее оригинальным в решении профессиональных задач искусства.

Первая камерная выставка живописи Асафова была показана в 1976 году в вологодском Доме художника. Затем, в 1983 году, уже в картинной галерее зрители увидели его большую персональную экспозицию. Но отзывы были самые разные. Многие усмотрели в картинах художника «очернительство советской жизни», а в Череповце в 1984 году выставку открыли и тут же свернули из-за ее «неблаговидности». Речь даже заходила об исключении из Союза художников, а времена тогда были очень непростые.

Из ранних работ художника особенно помнятся его картины «Сплавщик на Кубене», «Без мужиков», «Утро», «Мужики», «Молодые», «За счастьем». Конечно, они не радовали глаз нежным колоритом и идеализацией жизни. Напротив, художник резко и буквально напролом обнажал тяготы и кричащие проблемы реальной жизни человека на земле. А за внешне темным и почти монохромным колоритом лишь постепенно раскрывалась богатая на оттенки густая, вязкая или покрытая цветными лаками драматичная, условно-декоративная живопись. Художник развивался в традициях московской живописной школы «сурового стиля», тогда определяемой именами Н. Андропова, В. Иванова, А. Васнецова, братьев Смолиных. Но то, что органично ложи-

лось на стенды московских вернисажей, требовало довольно долгого привыкания у региональных ценителей искусства. И сегодня Асафов с горечью говорит: «Идею моих картин мало кто любит. Ее не понимают, ибо она самая что ни есть крестьянская. Мы все должны вернуться к земле, чем и была сильна Россия».

Со второй половины 1980-х годов в живопись Асафова все активной вторгается цвет. Его большеформатные жанровые картины начинают напоминать то таинственно мерцающие старинные средневековые витражи, то монументальные настенные композиции или цветные ковры. Художник явно открывал, как и все мы в те годы, дерзкое и энергичное наследие русского и мирового художественного авангарда. Но это было не прямым следованием новой моде, а творческим обогащением в решении главной темы художника. В типичных деревенских картинах Асафова «На пожнях», «Лен стелют», «Теплынь», «Катюша», «Вологодские кружевницы» жизнь и труд человека на земле стали восприниматься ясным и чистым символом многовековой традиции. Упрощение форм, насыщенность и символика цвета явно сближают живопись художника со стилистикой народного крестьянского искусства. Асафов сегодня говорит: «Велика и глубока народная жизнь, но явно увидеть и почувствовать все ее тайны и особенности можем мы уже только через народное творчество, оставленное нам на разум и счастье».

Настоящее признание к живописцу Асафову пришло уже в 1990-е годы, и сегодня он является одним из самых широко экспонируемых вологодских художников. Его персональные выставки прошли в 2001 году в картинной галерее, в разные годы — в музейных и выставочных залах нашей области, в Ярославле, в составе многих групповых экспозиций. Сейчас мы открываем для себя нового Асафова: нежного, лиричного, полного задора и оптимизма. Художник обнаруживает еще одну грань своего таланта: он шутит в живописи, пишет стихи и публикует эссе о творчестве своих близких коллег по искусству. Прямая переключка с традиционным народным искусством проявляется и в том, что художник начинает расписывать рамы своих картин не только чистым колером, но цветами и травами, сказочными птицами.

Очень важно и редко для современного искусства, что Асафов осознает и всеми силами стремится реализовать созидательную миссию художника в современном мире. Свои условные автопортреты он называет «Оптимист», «Земельян», а на картине «Вдохновение» изображает художника на коне со щитом «Живопись. Искусство», побивающего лопатой зелено-красного змея. В живописи появляется светлое и радостное ощущение мира деревенской жизни. Это — «Ягодная

Русь», где трудятся «Земельяне», где в небе раскинулась «Радуга сенокосная», где любят друг друга «Иван да Марья», что проявилось не только в стилистике, но и в самих названиях картин.

В последние годы в творчестве художника все чаще появляется тема старинной городской жизни Вологодчины. В небольших по формату лирических пейзажах Асафов в неожиданной для него манере этюдной, импровизационной живописи обращается к традиционному для русского искусства ощущению мягкого, лирического настроения. Это — теплые вечера на реке Вологде на фоне белокаменных храмов, ясные морозные дни в деревне, байки, разговоры, мечты. Художник говорит: «И вот уже вновь София своей легкой громадой напоминает о вечности искусства. Хочется жить, чтобы творить! Золотая молния звонницы зовет к высоте творчества».

«ЗОЛОТАЯ ГОРКА» (2001): типичный и хорошо узнаваемый вологодский пейзаж художник вплетает в цветное узорочье простой и искренней народной жизни, тем самым расширяя образные рамки нашего ощущения места, времени и состояния природы.

«МАТЕРИНСКОЕ» (1977): эта ранняя картина художника является важным для него образом-символом материнского наследия и завета. Простые предметы крестьянского обихода на фоне огромного неба с низкой линией горизонта воспринимаются очень весомо и значимо.

«ОТЦОВСКОЕ» (1977): вспоминая своего отца-кузнеца, художник изображает угол избы в деревне, которая, по его словам, — есть самое земное, самое простое (и, стало быть, самое гениальное), самое житейское творение русской души.

«ЛЕН СТЕЛЮТ» (1983): неоднократно обращаясь к этому традиционному сюжету трудовой крестьянской жизни, Асафов видит в нем не только тяжесть труда, но и звучную песенность, и красочную нарядность.

«Вологодские ступени», №45 (110), 18 ноября 2004 г.

Г. ДЕМЕНТЬЕВА

ГЕНРИХ АСАФОВ

Вологодский художник Генрих Алексеевич Асафов относится к той плеяде современных мастеров, которые еще в 70-е годы XX века в поиске и утверждении нравственных идеалов, духовных ориентиров в творчестве, обратились к своим корням, земле, деревне.

В глубинке земли северной, по мнению художника, на протяжении веков бережно сохранились традиции, основанные на нравственных устоях бытования русского крестьянства. Тема жизни северной деревни и сегодня волнует мастера. Не случайно она становится одной из основополагающих в искусстве Г. Асафова. В произведениях художника, посвященных крестьянскому быту его земляков, звучат эмоциональные, искренние чувства их автора, который от «жеста протеста» в ранних произведениях приходит к философскому, спокойно-мудрому осмыслению жизни. Генрих Асафов пристально вглядывается в мерное течение деревенской жизни, где и сегодня рядом сосуществуют людские невзгоды и радости, где, казалось бы, пошатнулись исконные правила человеческого бытия. Сенокос, уборка урожая, плетение кружева или другое повседневное занятие крестьян в его полотнах приобретает вселенскую значимость.

В картине художника идея всегда превосходит само действие, отсюда многозначность в трактовке каждого изобразительного элемента композиции. Но главным выразителем эмоционального и смыслового начал в контексте общего замысла художника является цвет. Через пластику цвета, колористическое решение холста в целом, живописец доводит образ до обобщенного звучания. Само живописное пространство его картин с глубокими по тону зеленовато-коричневыми переливами цвета, со сполохами синих, красных и желтых оттенков в общей живописной массе полотна как бы сжимается вокруг утяжеленной по форме фигуры человека, основательно расположившегося на плоскости холста (земли). Вибрируя, оно втягивает нас в открывающуюся светоносную глубину, обнажая нерв чувств, живую мысль художника, раскрывая его личностное восприятие данного события, которое перерастает в его картине в особое, что не оставляет нас безучастными к судьбе людей, деревни, природы.

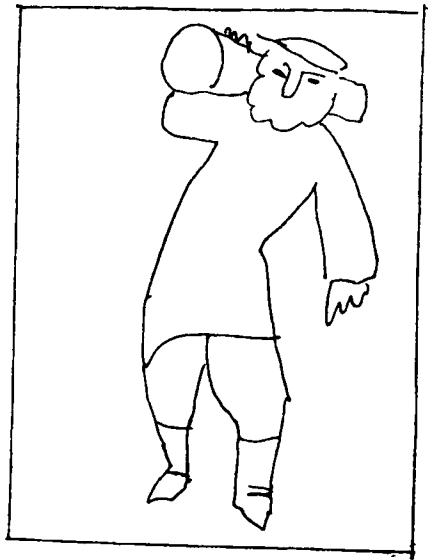
Наряду с картинами, условно отнесенными к произведениям эмоционально-напряженного характера, Г. Асафов в последние годы создает более оптимистические работы, основанные на фольклорном сюжете. Знание народной культуры и любовь к ней позволяют живописцу воплощать творчески-опосредованные, яркие, декоративные по цвету, художественные образы, порой окрашенные житейским юмором или своеобразными элементами сказочности. Они не только передают градации чувств, настроение, но и различные смысловые интонации одного сюжета. Подобный подход позволяет художнику экспериментировать в пределах самой живописи, использовать различные способы художественной выразительности, от языка примитивного искусства до переосмысления им традиций европейского авангарда. Несмотря на различие живописного воплощения темы, картины Г. Асафова имеют нечто общее, выражающее чувство восторга и трепетной нежности художника ко всему живому: птице, корове, дереву, цветку, водопаднику — найдя отклик в опозитизированных строках:

«Я очень люблю лесной малый водопадик, что живет рядом с моей рекой Кубеной. Он живучий и прозрачный. Бодает травы пенистым волнением, вбирая в себя большие пятна небесных движений...».

И как итог размышлений мастера воспринимаются слова: «Значение искусства — в богатстве души, наполненной искренностью и страстью творить о самых сокровенных чаяниях Природы».

Буклет «Генрих Асафов», 2004 г.

Статьи
Г. А. Асафова

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК ОЧЕНЬ ПОХОЖ НА РОМАШКУ

**Когда с неудачи мне горько,
Иду на Соборную горку
Смотреть, как взлетает София
Над древней и мудрой Россией.
Смотреть, как в собор Воскресенья
Не ходит мое население,
Но радует стройная звонница, —
Она вологодская модница!
Слепительной молнией золота,
Преградой сверкает для холода,
Что тучи порой приносили
С собою, для теплой России.**

Каждый раз, гуляя на Соборной горке, наполняюсь приятным волшебством волнения и благоговения перед священной стариной парящей Софии с ее божественными куполами, мыслящими непременно. Их мысль через кружево крестов я ловлю, пытаюсь понять суть, удерживать, пока солнце не увлекло за собой эту тайну, оставив нам уже совсем другую, не менее интересную.

Золотая луковка колокольни добродушно успокаивает меня молниеносной улыбкой, созная мою невозможность понять всю тайну духовного величия Софии, а стены самого кремля гостеприимными старцами зазывают смутившегося прогуляться во двор, где крона деревьев давно уже начала свое пение под могучий орган теплого ветра.

Я чувствую, как в глубине моей души небывалым цветком начинает распускаться приятное ожидание встречи с выставкой. Она там, в стене кремля.

О ней мне рассказала моя дочь. Но я не тороплюсь туда, потому как ожидание чуда для меня не менее важно и интересно, чем само чудо.

А сама стена, уставшая от многих лет жизни, дышит глубоко, спокойно, храня в своих сокровищах вековые достоинства моего северного народа. С начала ее жизни сколько же было около нее событий, сколько людей, случайных и мыслящих, видели ее щели-очи, сколько одежд и мод пережила ее вечность. Милая старина, как же она красива, как она едина с землей и небом, как успокаи-

вает и лечит душу ее великий покой. А от сознания того, что в этой милой старине живет и дышит искусство, становится особенно любопытно и радостно. Велика и глубока народная жизнь, но явно увидеть и почувствовать все ее тайны и особенности можем мы уже только через народное творчество, оставленное нам на разум и счастье.

А уж сама картина народной жизни неминуемо согреет нас своей теплотой, добавит умения и знания в мудреной вечности.

Все, что оставила нам старина, приятно волнует, интересует своей уникальностью, отвлекает от суеты нашего времени, воспитывая в нас настоящее чувство красоты.

Именно тот творец чудной старины и есть народный художник, радостно и трудно, каждодневно и талантливо копавший свою грядку жизни, остается в памяти веков своими творениями искусства. И чем дальше отодвигается его время, тем проникновеннее и дороже становится творчество художника.

Как богатство весенней земли украшает новая зелень и солнце, так Кремлевская стена украсилась собранием картин народной жизни, художников глубоко самобытных, где земное содержание запечатлено новой формой искусства, что необычайно важно и дорого в любом творчестве.

Не спеша и благоговейно впитывая всю прелесть картин, я чувствовал, как мое настроение поднялось на ступеньку выше, и было любопытно радостно оттого, что лестница выставочного чуда еще высока.

Где-то далеко в глубине моего существа зашевелились мое детство, моя юность. Я вновь трепетно и робко запрягаю Карего, чтобы ехать загребать конными граблями уже подсохшую кошенину.

Снова вижу яркие наряды сенокосниц, по движению черенка граблей я легко узнавал свою мать. Я вспомнил отца, учившего меня косить в 12 лет: «Косу держи выше, носочек приподымай, а пяточкой, пяточкой жми и посмелее, и посильнее, да не торопись и не машись, а гладь травку сочную, прижимай пяточкой!»

Царство им небесное, и пусть земля будет им пухом.

А вот я уже на болоте, где сочная золотистая морошка растекается между пальцами руки, в моей корзинке ее до жути мало, увидел вдруг уползающую в кочку красавицу змею, но холодок страха быстро увлекла красавица нить Евдокии Пановой, чей «сенокос» окончательно наполнил душу милым сердцу временем.

Именно в июле я каждый год продолжаю косить запустения около дачи. Мой сенокос укрепляет дух, укрепляет руки, шепчет форму новых картин.

Родная земля! Сколько же в ней гениальных тайн, сколько же в ней вместились тревог и забот о нас, живущих на ней, порой еле-еле вспоминающих о ее существовании.

Сколько в ней доброты, непосредственности и детской наивности, что глубокими тайными ручейками питают ее необъятную мудрость.

И я уже вижу, как тот крепыш, наслушавшись тонкого пения косы, придя в избу отдохнуть и увидя как бы невзначай свою родную русскую печь совершенно белой, вдруг берет самодельную кисточку, краску и рисует свою непосредственность, просто, как ребенок, а душа, обрадованная вниманием, поет и просит работы и мысли.

И вот уже дети, слезая с печи, еще сонными глазенками, еле различают яркие пятна печной росписи, где бычки и коровки сказочной наивности и прелести бодают теплый воздух, пережевывая до боли знакомый и родной одуванчик:

Детям тоже хочется помазать, они уверены в своем желании, потому как видели этих коровок в поле и даже две таких у них во дворе. В одной девочке я узнаю Нуйю. Да, это она вспоминает, откуда растут рога и как размахист коровий хвост, когда пауты особенно назойливы.

Народный художник очень похож на ромашку, где богатая золотая середина посылает в белые лепестки свои чувства к свежему воздуху, к соседним цветам, далее в небо и в нас, наблюдающих эту ромашку. И клевера краснеют, наполняясь соком, именно от дыхания необъятного ромашкового поля, которое увековечил природный самородок Георгий Попов.

Я уже не смогу удержать в себе особое чувство благодарности художнику, а спешу сравнить его талант с лугами, переполненными красотой и ароматом цветов — наших северных радостей и надежд. Собрание талантливейших художников напоминает мне лесное собрание, где каждое дерево поет по-своему значимо и необходимо, а вместе создается та необъяснимая симфония леса, в которой мы возвышаемся, глубоко дышим, крепнем здоровьем, заряжаемся духовно, проникаемся любовью ко всему живому.

Такие выставки нам необходимы, как лесные полосы в засуху или ветродуи и прочие земные волнения.

Художник, чувствуящий под собой родную землю, впитавший в себя ее глубочайший колорит, слившийся с ее чаянием, обязательно будет красив и оригинален формой, и тогда самая красивая и неожиданная форма и расскажет нам о самом красивом и земном содержании, что и являет собой новое произведение искусства, небывалое и так необходимое для дальнейшего шага вперед по тропам творчества.

Боюсь, что именно истоки самого народного творчества, названного поспешно «примитивизмом», и есть вершина изобразительного стога искусства, ибо именно там естественная земная жизнь переплелась кружевом с непосредственностью самой природы, с наивом чистоты детской души, с каждодневным трудом Крестьянина, что и является основой его творческих волнений. И самая, казалось бы, «несуразная» форма «примитивизма» обязательно интересна работающему уму и таланту, потому как она будоражит воображение, опускает на землю, даже может заставить на ней поработать, что есть не менее прекрасно, чем искусство.

Именно каждодневный крестьянский труд (от чего наглухо отвернулись камни городов) питал здоровое воображение крепкого тела, трудовая усталость в нем отвлекала художника-мужика от хитроумных сплетений «прогресса» времен.

Творец, утопая в своих земных заботах, оставался наивен и чист, что не мешало ему через разного рода хлопоты вокруг собственной полосы жизни становиться мудрым и все знающим в житейском мире.

А быть мудрым есть обязательное условие творца!

«Примитив» — звучит не слишком мудро, но нужно суметь понять его смысл и значение, прежде чем ухмыляться.

В основе этого яркого явления искусства лежит сама живая плоть земли.

Казалось бы, ну что может быть проще земли, по которой мы ходим, порой абсолютно не вникая в ее «глубину».

Но одно то, что земля — кормилица! — это уже говорит обо всем.

Ну а для мыслящего художника земля — это еще и бесконечность цвета и мысли. Она всегда дышит, творит, и ее творческое движение неуловимо богато, как вся Вселенная. Все чудеса красоты и таланта рождает земля, ее плодородный слой великодушно питает наши чары. И только сонные и слабые существа не видят, не слышат, не знают о существовании радужной красоты в «темном» цвете земли, никогда не задумываются о ее тревоге и грусти в запустелых и покореженных местах ее содержания.

И только крестьянин всем содержанием своей жизни верен и глубоко признателен кормилице, именно он знает ей цену, потому как каждый Божий день чувствует и слышит ее дыхание, с ней беседует, обожествляет, ей молится, на ней трудится и ее рисует.

Рисует всей полнотой своей земной души, всей глубиной своего большого сердца.

Вот почему его творчество есть точка отсчета всех искусств, есть самое изначальное и любопытное, вот почему для меня твор-

чество народа-крестьянина превыше всего, и я всеми своими «фибрами» и «жабрами» готов принять и понять великую суть народного сказания.

И я очень рад, что моя большая школа в искусстве не сумела потопить в суеде жизни моей бесконечной любви к крестьянскому быту — творчеству.

Ловлю себя на том, что важно все! Вот вам и «примитив!»

Именно потому мне бесконечно приятно выставиться с нашими народными художниками, где я давно выследил их крестьянский гений и с высоты своего «академизма» исподволь и радостно спускаюсь на их «лавочку».

Я не верю в чистоту и искренность «художников» от политики, когда в картинах пожары и кровь.

Ничего подобного вы не увидите и не почувствуете в росписи прялки или сундука невесты, потому как «примитив» крестьянина-художника совершенно чист и по-детски наивен, и ничто не сравнится с его уникальной формой.

А для людей, чувствующих прелесть земной жизни, все эти прялки, короба и сундуки, ступы и туески, жернова и косы, лапти и дровни, упряжка и дуги, сама изба и двор ее, плетень и колодец есть не что иное, как чудо здоровой жизни, так важной и необходимой всей физиологии человека.

Для меня все народное творчество всегда свежо, оно так глубоко западает в душу и достает из нее мною не освоенное, подымает и несет своим трепетом в высшую жизнь этого мира, потому как, расписывая дверцу шкафа, художник пел душой песню самой природы, гениальнее которой ничего нет. Нет и быть не может.

И уж, конечно, не случайно такой академист, как Илья Ефимович Репин, в конце жизни сделал робкую попытку окунуться в цвет детства, ибо понял счастье наива и святость непосредственности.

Вот почему нам бесконечно интересен и дорог Казимир Малевич своей крестьянской серией, где его космическая философия органично переплелась с земным крестьянским трудом.

Вот почему такой величайший из гениев живописи, как Матисс, докапывается до «детства» живописи, радуется своим находкам, умиленно высвечивая в непосредственном пятне весь цветной мир жизни своей.

Я ухожу с выставки. Мои душевные ведра наполнены.

И вот уже шалашинское пение кремлевских деревьев окутывает мои раздумья в теплое одеяло музыки, сквозь которую маленькими молоточками выстукивается огромная благодарность организаторам такой удивительной экспозиции.

И вот уже вновь София своей легкой громадой напоминает о вечности искусства. Хочется жить, чтоб творить! Золотая молния звонницы зовет к высоте творчества.

*С минуты той, как понял я
Значенье родины в судьбе,
Тебе, родимая земля!
Несу признание, тебе!
Святое пение лесов,
Печаль родных полей,
Собрание птичьих голосов —
Все гармонично в ней.
Под небесами томный вид
Знакомых деревень.
О прошлой жизни говорит
Талантливый плетень.
Непостижимые цвета,
Глубокий колорит,
Вбирает тихая мечта
И каждый день творит.*

«Красный Север», 2 ноября 1996 г.

ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ

«ВИЖУ ЧУДНОЕ ПРИВОЛЬЕ...»

(О Леониде Яблокове)

Выставочный зал при Вологодской организации Союза художников РСФСР предоставил возможность сделать творческий отчет художника Леонида Яблокова за последние три года работы. Этюды! Маленькие и чуть побольше, но по внутреннему содержанию и колориту, по настроению напоминают нам образцы истинной живописи.

Чем особенно интересен художник Леонид Яблоков? Прежде всего огромной и неподдельной любовью к природе, к той самой земле, на которой он живет и творит. Он глубоко и прочно любит свою профессию, свою работу.

Его этюды цельны, имеют настоящее живописное обобщение. Яблоков пишет деревню, свою родную, вологодскую. Он тонко чувствует время и верит в жизнь и значение деревенских начал и принципов. Его деревня глубоко оптимистична, его избы, стога, небо и поля наполнены полнокровной и чистой жизнью, в его густом красивом цвете чувствуется большой талант и совесть самого художника.

Родная земля выкармливает и обогащает творческий темперамент живописца, тонко и не спеша ведет его на тот уровень мышления в работе, когда художник сможет глубоко и сильно сказать о жизненном значении его кормилицы, когда художник становится ее истинным и правдивым певцом.

Я уверен, что это Яблокову под силу, и это обязательно состоится. Его собратья прислушиваются к нему. Поэтому хочется отметить, что также по-своему интересно и не спеша развиваются в живописи Ю. Коробов, Е. Гусев. Ю. Ельцов, А. Борисов, Б. Макаров.

Серьезная работа обязательно рождает новую красивую атмосферу. Талант и совесть художника рождают искусство, сила которого превышает всякого рода «ходов» и «ужимок». Искусство делает коллектив творческим, а значит, красивым.

Я думаю, что живопись Леонида Яблокова в этом смысле сыграет не последнюю роль в нашей творческой жизни, хотя бы потому, что она традиционна и современна. Чувствуется, что он глубоко любит Сурикова, Петровичева, Туржанского, но ни в коем случае не подражает им, а дает нам свое представление Родины. И хотя фор-

мально выставку назвали «Этюды Яблокова», по существу, это очень серьезные и законченные работы живописца, превзошедшие значение этюда, и потому разговор необходим на уровне рождения настоящего искусства. Талант — дело серьезное и нуждается в охране, как птицы, как леса и земля. В начале своего движения он обязательно нуждается в зеленом пути. Его душа широка, характер предельно русский, талант большой и настоящий, что дает возможность верить и надеяться на дальнейший рост этого удивительного художника.

ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ

Талантливый художник обязательно прост. Он наделен глубоким видением мира, особым чувством ко всему живому. Через свое выражение цветом он несет естественную и непременно красивую мысль об увиденном.

Мысль, выношенная и выстраданная, идущая от самой сути души художника, похожа на новорожденного, на долгожданный дождь, и потому нам дорога и интересна.

Именно такими — глубокими по мысли и образам — видятся мне работы Евгения Павловича Гусева. Если для кого-то дождь — это сырость, то для него дождь — это радость, живая и тонкая грусть, после которой рождается сила вдохновения и счастья жить...

Он слышит в шелесте листвы мелодию, его творческая речка чиста и таинственна своими глубокими мыслями, в нее хочется заглянуть и подумать. Его Земля — его судьба, и она мне любопытна, потому как ему дорога — Земля. Он пишет, что любит, а любит потому как живет на ней. И чувствуется, как это ему дорого!

Художник, открывший свою землю, открывает свой мир, он пишет свою страницу в общем собрании жизни.

Мне его страница понятна, она влечет, и я буду ее перечитывать. Я желаю художнику желанного счастья трудиться.

АНАТОЛИЙ ОПЯКИН

Я совершенно искренне люблю глубинку, потому как она — сама Природа, где человек творческий обязательно интересен.

Будучи в Кадуе я познакомился с очень красивыми и талантливыми творцами прекрасного, в глубине сознания которых чувствуется ясный и тонкий ум и богатая душа.

Одним из таких моих знакомых и является Анатолий Опякин — художник с большой жадной познания, с истинной любовью к живописи, с природным чутьем настоящего искусства.

Мне по душе его интерес к разнообразию стиля художника, разумная логика его любопытства вселяет надежду на профессиональный рост его живописи, ибо именно пренебрежение к богатству формы и приводит художника в тупик.

С холстов Анатолия Опякина веет теплом живой и богатой души, подпитанной широким знанием сути самой культуры. Именно культура мысли вместе с природным талантом и создает ауру доброго цвета, привлекают любящих искусство.

Я люблю глубинку, потому как всегда вижу в ней по-настоящему чистых и мудрых людей, именно таких как Анатолий Опякин. Мне они придают желание творить и верить в неодолимую силу искусства.

НЕУТОМИМЫЙ БОРИСОВ

Первая встреча с Анатолием Борисовым запомнилась мне искренностью его суждений, теплым взглядом на этот мир.

Уже тогда я подумал, что этот человек, наверное, хороший живописец. И, когда я увидел его первые работы, то понял, что мои догадки были правильными.

Какая-то тайная сила заставляла меня остановиться около его холстов. Уже взглядевшись, начинаешь сопереживать его волнениям и находкам красивой живописи, где крепкие отношения и достойный рисунок наполняют пейзаж истинной любовью к Природе. Изучая ее, он вносит в холст и свое, уже творческое отношение, чем ясно и просто проявляет свой талант настоящего художника. И мне именно это всегда приятно чувствовать и видеть. В его работах нет холодной вычурности, нет равнодушного отношения к своей судьбе, он с достоинством обогащает ее настоящим творчеством, оно дает ему силы жить и побеждать все человеческие слабости. А побеждать собственные слабости может только сильный и умный художник, собственно, это и есть настоящее Искусство.

Любя Природу, он от нее набирается воли, чистоты и, конечно, таланта, ибо Природа бесконечна своими яркими достоинствами и далеко не каждый видит и понимает ее глубинную красоту. Я от всей души поздравляю Анатолия с персональной выставкой и желаю ему и его жене Юле доброго здоровья и вдохновенного счастья.

Анатолий Алексеевич Борисов родился 23 февраля 1944 года в деревне Александровне Новосильского района Орловской области.

С 1959 по 1965 гг. жил и работал в г. Ельце Липецкой области. С 1965 по 1969 гг. учился в Загорском художественно-промышленном училище игрушки (Сергиев Посад, Московская область). С 1969 года постоянно живет в Вологде. С 1969 по 1980 гг. работал на Вологодской фабрике игрушек художником-конструктором. С 1980 года работал в Вологодской художественно-производственной мастерской. С 1971 года постоянный участник областных, зональных художественных выставок. С 1995 года член Союза художников России. В 2002 году персональная выставка в Вологодской областной картинной галерее. Произведения А. А. Борисова находятся в Вологодской областной картинной галерее, в музеях области в Тотьме, Вытегре, Устюжне, Тарноге, Великом Устюге, в частных коллекциях России, Венгрии, Германии, Испании и других стран.

ЧЕРСТВЫЙ ХЛЕБ ВИКТОРА СЕДОВА

Русь изначальная,
Сутью глубокая,
Формой печальная,
Мчишь одинокая.
Статно красивая,
Ширь бесконечная.
Лирикой милая,
Тайною вечная.

Люблю внимательно смотреть на старый ствол березы, распаханный солнечным лучом, ветрами и дождями. В глубоких жизненных бороздках чисто и ясно читается вся судьба дерева.

Удивительные творцы эти солнечные лучи, дожди и ветра. Очень хочется походить на их тайный творческий путь, управляемый самой Природой. Талант самой Природы бесконечно глубок и подвижен. Он как бы не замечает всей суеты веков, где человек неустанно путается в творческой кухне Природы, пытаясь сбить ее всесильную энергию с толку, спихнуть куда-то в бездну безумия. Естественно, Природа уставала и рождала во все времена своего защитника, которого и нарекла художником, передав ему тончайшие нити чувства красоты. Ясно, что никогда ни одному художнику не удавалось и приблизиться к творчеству солнечного луча или же грозового ливня, но все же были и есть художники, неуклонно ищущие по воле Природы, и потому им удается создать картину, похожую на красивую кору старой березы. Таким художником мне и кажется Виктор Седов.

Мне не нужно гадать о времени седовских картин. Где бы мы ни витали, как бы ни гордились техницизмом, это время всегда будет впереди, ибо там у Седова на холсте есть Земля, а на ней человек-творжник!

Бесконечно признателен творческим людям, не позволяющим захиреть искусству, создающим новые нивы фантазии и таланта. Я встречаю в них духовную поддержку, опираюсь на их находки, которые обязательно появляются, как появляются звезды ночные. Жизненная сила творчества необъяснима, можно только около и вокруг поскользнуть словами, а сама суть творчества желанно недосыгаема и самому художнику. Вот тут и таится сама прелесть искусства, равной которой может быть только сама страсть творить. Конечно, если внимательно присмотреться, то можно увидеть, от какой печки начал танец художник Виктор Седов. Работая реставратором, он, безусловно, проникся иконой, ну и художник Филонов, по-видимому, у него много обещает. Но икона гениальна, да и художник Филонов гениален, так что учителя у Седова оказались очень красивыми. Мы все ходим по земле, но, видимо, для Виктора она наиболее ощутима, он доверяется ее теплу, он как бы влюблен в эту самую земную кору, находит в ней источник вдохновения и творит, воображая свою философию жизнеутверждающей волей Земли.

Его картины хочется сравнить с «черствым хлебом», но ведь это — хлеб! И я с удовольствием его размочу в «горячем чаю», который у него тоже присутствует и создает определенный уют. И если даже его угрюмые мужики немало тяжелят наши будни, так это очень даже понятно тому, кто хоть раз в жизни предельно уставал от элементарного крестьянского труда, ну а до радости тяжелой работы Виктор Седов еще не докопался, но это где-то впереди, цельность холстов явно говорит о его дальнейшем росте.

Драматизм его героев пронизан горестным пониманием упадка крестьянской культуры как красоты всего земного. После него приходит упадок самой жизненной силы. Где же может созреть невиданный цветок — художник?

С появлением художника появляется его культура, как бы особая погода, которая не всем может быть по нраву, как не всем нравится дождь или жара. Но явление культуры есть живое проявление воли, таланта, духа силы, и закрывать на это глаза нет желания.

Рядом с холстами Седова я не увидел восторженной толпы, но, быть может, именно это и дает возможность серьезно воспринять его творческие усилия. К тому же Виктор приподымает, словно глыбу, самый тяжелый пласт земного искусства, от которого люди отучены стремлением к легкому благополучию.

Жизненные «торты и пирожные» немало ублажили желания и страсти человеческой души. Но, быть может, именно отсутствие «черного хлеба» и делает человека «голодным и злым», а пренебрежение к элементарному крестьянскому труду делает наши мышцы вялыми и даже слабыми, отчего размытости искусств воспринимаются легче и доходчивее, что более усугубляет наши самые болезненные части духовности.

Мне нравится наличие в философии Седова «редьки с хреном», да и наличие «горчицы» тоже не мешает восприятию искусства как большой заинтересованности к матушке-Земле.

Мне близка и очень дорога его прекрасная мысль, что Труд земной, обозначенный как жизненная необходимость, есть награда собственной судьбе, выше всяких званий и привилегий, естественное условие счастья и здоровья, гарантирующее независимость и достоинство! Именно эти человеческие качества и явились условием рождения новой культуры, которая заполняла и укрепляла культуру старую, на гребне волны которой новый художник и успевает заметить новый свет Божий, освещающий новое время, что и должен отразить художник, поняв его всем сердцем.

Я вообще воспринимаю крестьянскую формулу жизни как самую вдохновенную, творческую, где ремесла и искусства естественно влились в суть земного бытия и обогащают его значимо и прекрасно. Именно бесконечным единением труда и мысли крестьянин и находится всех ближе к Богу, и все его божественные начала вырастают до здоровой и высококультурной жизни, красота её так же естественна, как восход солнца.

*Гармонией труда и цвета
По утру Солнце катит круг,
Лишь от Земли
цветком ответа...
Художник появился вдруг.
Его приветствую сердечно
И радуюсь его холсту,
Где Русь по формуле,
что вечно!
Вновь набирает высоту.*

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ ГЕОРГИЯ КАЛИНИНА

**Бриллианты воздуха и цвета,
Зародившись в солнечной тиши,
Создают прозрачный образ света
И дают «зеленый» для души.
И она в движение пустилась,
Позабыв, что только лишь сейчас
Вся в сети тревог — сомнений билась,
Но ждала таинственный свой час.
Он настал, как утренняя зорька.
Россыпью свершившихся надежд.
Я увидел искренне и зорко.
Как художник вышел на Манеж...**

В этот день я с особым настроением шел пешком в мастерскую. Солнце уже вышло на работу и согревало все человеческое общезнание. Оно как бы намекало, чтоб я увеличивал шаг. Ибо день начался, и, оглянувшись с «моста моих наблюдений», точно разглядываю начинающееся движение жизни. Далекие поезда ее уже клокочат под моим «мостом», взывая к еще большему ритму шага в красоту воображения. Я уже почти бегу, и все троллейбусы, обгоняющие меня, кажутся мне стоящими на месте. Пять километров показались мигом. Вместо усталости — бодрость духа, и рука трепетно открывает дверь мастерской, а там уже хозяйничает солнечный луч!

Всей яркостью и теплотой своего содержания он приковывает мое внимание, и я начинаю спокойно вглядываться в глубину солнечного явления. Оказывается, этот божественный прожектор полон живых творческих радуг, переходящих одна в другую и тем самым рождающих новый образ тепла и уюта, само свечение которого сильнее и добрее искусства лампочки, висящей над лучом солнца. Почему именно сегодня я обратил особое внимание на свет — мастерскую, в которой творю вот уже двадцать два года?

Неужели от того, что вчера на моем столе в мастерской засветился луч каталога «Георгий Калинин»... По всей вероятности, живые творческие молекулы живописи художника и закружили мое ядро весеннего колорита души, и розовое утро заманило в радости цвета.

Я смотрю на обложку каталога и вдруг замечаю, что солнечный луч бледнеет и даже потихоньку исчезает, словно испугавшись соперника. Еще минута — и мой Север окончательно загнал луч за угол

Востока моей мастерской, но вижу и чувствую прежнее тепло и свет уже от репродукций художника.

Без особого труда я узнаю уроки «Академии», которые прошел сам. Я безусловно знаю, что рядом с оранжевым засветится изумруд и рядом с зеленым торжествует красный! А как прекрасно танцует желтый на фоне фиолетового! Эта наука знакома каждому, кто хоть чуточку задумывался о яркости жизни. Но для искусства мало знаний. Нужно чувство, любовь, страсть видения, только тогда получится взлет журавля искусства. Журавль Георгия Калинина в его руках. На конец века он выпустил его в свое голубое небо.

Его цветной луч насквозь пробивает серую и черную тоску грязных наваждений сил зла и насилий на планете. Он создает свою планету яркого добра и сильного цвета! Его зовы к Земле с бубенцами! Веселой тройкой мчатся в золото и серебро сиреневых снегов! Он смело утверждает жизненную волю самой красоты, новое свечение которой чувственно дарит нам, воспитывая нежную любовь к родине. И если на планете много слез и горя, где техническая изощренность уже витает чернобыльским драконом, то навстречу ему, в преграду дьявольской силе взлетает яркий, сильный и веселый Сирин художника, как символ торжества и любви северных зорь!

Здорово! Красиво! Даже сладко! Мне уже хочется на «Черствый хлеб» Виктора Седова намазать «Малинового варенья» Георгия Калинина и рядом поставить кружку молока «Моих коров», то получится неплохой завтрак моего дороголюбимого крестьянина! Художник, утверждая красоту северной природы, не списывает у нее содержание, а, сохраняя основы живописной формы, пропускает ее через призму своего мышления и интуиции, создает свой образ современного пейзажа. И этим он по-настоящему традиционный художник, ибо традиционность есть не повторение устоявшейся стилистики, а продолжение ее в условиях нового времени. Чувство времени Калинин приобрел в результате сложных дорог в настоящее искусство, и через его живописные мысли я вижу, как он глубоко и грамотно обогащает традиции национального живописания. Эти традиции у него в фундаменте творческого решения, фасад которого необычайно поэтичен и красив именно свежим веением чувства и мысли. Художник как бы любезно пригласает на серьезные размышления о тайнах света и цвета, чистотой и звучностью которых создает симфонию русского пейзажа, внушая и рассказывая зрителю о глубочайшей прелести родного Севера!

Безусловно, такое творчество должно жить и работать прежде всего на родную Землю, ибо цветок его обязательно должен дать

прекрасные и здоровые семена, так необходимые нашей культуре, где много кича, зависти и поклонения блефу.

Конечно, приятно, что специалисты высокого класса бывают (хоть и редко) в наших мастерских и с любовью отбирают для своих галерей наше искусство, но самим вывозить его с родной земли нам никак нельзя, ибо это наше богатство, наш духовный свет! Это искусство нашего народа, оно зовет к земле, почувствовать ее тепло и жизненную бесконечность, дающую нам «хлеб и талант».

При суровой жестокости бытия, где чаяния и надежды людей окутываются чванливыми формами невежества, подобное искусство необходимо озона после грозы, потому как оно излучает мощный заряд добра и искренности, в нем чистота задач и устремлений...

У народа будет возможность проникнуться в простую суть своих творцов, бесконечно преданных своему «Дому!» Мудрость творца здравила любовь и жизнь! Художник выражает их цветом солнца, неба и поля. Красивая, чистая звень слышится в живописном ручье Г.Калинина, и я тороплюсь в духоте времени искренне испить глоток его прохлады. Его звонница выросла, колокольчики зазвенели, почувяв милый ветерок Руси. Я верю, что вот-вот ударит центральный колокол таланта.

*Художник современен и народен!
Нашел свои он таинства зеркал,
В них отраженный образ и свободен,
И сохранил весь солнечный накал.
Симфония холста легка, как ветер.
Прозрачны звуки льются с вышины,
В них радость вод у грусти на примете
И грусть светла как гребень у волны.*

ПИСЬМА К ЗЕМЛЯКАМ

ДЛЯ МЕНЯ КОСА, ПИЛА, ТОПОР И ВИЛЫ ТАК ЖЕ ДОРОГИ И ВАЖНЫ, КАК КИСТЬ И МАСТЕРСКАЯ

Дорогие земляки!

Примите мой самый теплый привет и пожелания вам доброго здоровья с творческим счастьем.

Этой II персональной выставкой (I была в клубе в 1961 году) я хочу моих земляков познакомить с творчеством скромных попыток отразить жизнь северного Крестьянина. Формула Крестьянского мышления мне очень близка и дорога, ибо она зреет, как все самое живое на Земле, которая нам и Мать, и кормилица. Мне нравится мудрость Землянина, где отсутствие суеты и страсти к престижу дают возможность жить Крестьянину глубоко и по-настоящему красиво.

Красота этой судьбы начинается с самого детства, с самых житейских необходимостей: от скарба до самой Избы, где Королевой тепла и уюта встает Великая и Гениальная Русская Печь. Дерево Избы питает природу Крестьянской души, сливает ее в единую красоту с самой Природой, мудрее и прекраснее которой нет ничего на Свете, чем и влечет меня земная картина Крестьянской жизни. Все мы Крестьянские дети, в природе труда и мышления Землянина таятся наши корни, отрыв от которых и приводит в область чванства и грубости, в область суеты и невежества.

Все свои творческие годы я интуитивно держался в тепле Русской Избы, от ученичества до картин текущей поры неустанно и с огромным любопытством влекусь этой бесконечной темой самой Земли.

И чем больше я углубляюсь в суть Крестьянской жизни, тем больше я испытываю прелесть глубокой красоты, исполненной здоровым житейским вкусом, где физика земного труда укрепляет правила природного мышления, без всякой гонки к славе и шику, в коих и таятся микробы гордыни и слабости. Крестьянин чист, непосредственен, трудолюбив, мудр, в его музыке жизни нет фальшивых нот, потому как эта музыка плывет из органа самой Природы.

Все, что связано с трудом на земле, мне бесконечно интересно, и если идет замалчивание земных чаяний, то это не от большого ума деятелей разного рода, а от их пышного чванства, доходящего до глумления над своими корнями. Леность рук порождает леность мыш-

ления и огромную зависть к рекламной позе фешенебельной роскоши. Я очень рад, что мои гены сработали вовремя, и я успел приобрести уже свои шесть соток, где с любовью подтверждаю своим трудом свою философию о Крестьянстве. Для меня коса, пила, топор и вилы так же дороги и важны, как кисть и мастерская.

Именно элементарный труд на земле заряжает мои творческие аккумуляторы, где содержание легко подсказывает форму, соответствующую моему времени.

Мне было приятно прочесть в газете «Культура» родную мысль из уст великого ученого и мыслителя современности Д. С. Лихачева, что все культуры в изначалии своем были Крестьянскими. Мысль предельно логична и поэтому проста, но все Простое чаще всего людьми усваивается очень сложно и в итоге подминается возней, ложью, горором.

Люди забыли о самом великом и мудром в формуле Крестьянской жизни — это об абсолютной самодостаточности, абсолютной автономии Избы, как о сути отдельного государства, где не угрожает разрыв «трубы» и отсутствие воды и газа. Один день Крестьянского труда кормит год!

Именно от этой силы и полной независимости все сделанное руками Крестьянина — красиво и прочно!

Все от Ковша до Самовара, от ухвата до Русской Печи, от топорича до самой Избы — все есть высокое искусство, а уборки и сенокосы — есть прекрасные фестивали трудовой Музы!!! Заглушив ее, народ тут же оказался на коленях, имея огромнейшие природные, духовные и физические богатства. Трудом и искусством я поднимаю Крестьянскую тему как Божественный колокол на мою Звонницу Земли, моего прекрасного Севера.

Мне приятно, что добрые волны моих красочных звуков докатываются до народа и какое-то признание моих мыслей я уже улавливаю. И поэтому с особым волнением и удовольствием я дарю эту выставку родной Земле, в знак начала жизни картинной галереи поселка Устье!!!

В сути своей картинная галерея — есть прекрасный очаг культуры, где зрители, особенно дети, будут черпать и усваивать необходимые калории земной красоты, с чего и начинается физическое и духовное здоровье. Я бесконечно верю, что живет в поселке Устье парнишка вроде Геньки Асафова и будет, затаив дыхание, смотреть мои картинки, а дома где-то на печке, около трубы, талантливый ветер позовет его в искусство. И это будет сильный и красивый путь!

ПРЕДЛАГАЮ ОБМЕНЯТЬСЯ МНЕНИЯМИ

Уважаемые читатели районной газеты «Северная новь» и коллектив редакции! Прежде всего примите мои самые искренние поздравления с новым, 2001-м, годом, с новым веком, новым тысячелетием! Спешу от всей души пожелать вам самых ярких творческих успехов на всех фронтах. Спасибо за активное участие в моей выставке, которая пусть будет началом создания картинной галереи в Устье.

Поскольку моя творческая судьба связана с землей, меня воспитавшей, я чувствую необходимость общаться с моими земляками, рассказывать им о сути моих картин, этюдов, эскизов для того, чтобы, быть может, начать очень серьезный обмен мнениями по жизненным сюжетам нашего любопытного временного рубежа. Пусть начало нового тысячелетия будет началом нашей реки мнений.

Я думаю, что после знакомства с моими мыслями многие уважаемые мною добрые люди вновь захотят посетить мою экспозицию и еще внимательнее посмотреть на «Молодых доярок», на «Одиночество женщины», на свободный мир теплой родной земли, где буренка олицетворяет надежду с верой «в сметану». Конечно, это мои ранние работы (где-то начала 70-х годов), но именно так я хотел бы знакомить зрителей со своим творчеством: с первых ступенек — до середины пути и далее, где я уже гораздо образнее и глубже, чем и пробил брешь равнодушия к трудовой земле. Мне интересно любое мнение! От злого до прекрасного для меня — целый мир. Первого не боюсь, над вторым задумываюсь, третьим обладаю сам, соображая о четвертом и пятом...

Наверняка некоторым зрителям вся моя выставка покажется ничем особенным, но именно в кажущейся простоте и живет жилка истинного искусства: зрителю вдруг покажется, что так-то и он сможет. Однажды в Вологде была маленькая выставка гениального Фернана Леже, и одна дама написала в книге отзывов, что так-то нарисует и ее сынишка. Если б она знала, какой прекрасный отзыв написала!.. Я хочу этим сказать, что истинному художнику любой отзыв есть чудо. Страшнее другое — когда чуда нет.

Устьяне не избалованы выставками. Я чувствую в них детские вспышки интереса к картинке, из которых начинает разгораться костерок чистых и добрых муз. А там, глядишь, виден берег новых надежд и свершений. Вот почему я душой стою за «галерею» на каждой жизненной дороге и, даже тропе.

Бездуховность, невежество и прочие наркомании душ — именно от отсутствия этих малых искренних цветных галерей, потому как и деятели искусств в большинстве своем примеряют «медали» и «мундиры», а конъюнктура угодничества тянет в дебри чванства и высокопарности, где народ кажется лишним и быдловатым...

Странно-удивительно стали закрывать глаза и уши от светлых лучей земли-кормилицы. Еще сто лет назад вся Россия вязала снопы и пасла коровушек, а сейчас Россия вяжет прически и пасет собак и собачек, едет за темными стеклами туда, где «дяденька дьявол» холоден и голоден. Очень мало кому есть дело до старушек в старых деревнях, живущих едино с козую и природою. Получается, что именно они — истинные патриоты Отечества, исполненные заботушки о внучатах, мечтающих о «парижах». Разве это не та бесконечная тема искусства и литературы, философии и науки, которую нужно лелеять, словно дитя?!

Мне иные не советовали делать выставку в Устье: дескать, не поймут и т. д. А я верю, что именно в глубинке, на земле моего детства, и поймут, и почувствуют искренность моего «Самовара», который горяч и полон, ибо именно глубинка мудра не прическами, а теплом собственных забот и чайний, замешанных на каждодневном земном труде.

Ходят «на ходулях» слухи, что, мол, все умные из деревень и сел уехали, остались одни дураки. Вот эти «ходули» и есть тяжелейшая дурь, лихо и неустанно внушающая молодежи свою пустоту и холод. Вы у меня спросите: чего же сам-то уехал? Так, милые мои, в 1957 году не давали косить, и отец правильно говорил: «Уезжай, Генька!», а куда и зачем — сам толком не знал. Знал только, что жить на селе без коровы — все равно, что рубить избу палкой.

В прошлом году я был на выпускном вечере дочери. Как пышно цвели там пожелания: в институт! Земля, труд на ней, крестьянин — эти слова были загнаны далеко и глубоко, как будто их малейшее дыхание могло возмутить всех ряженных. То есть, юным душам внушается слепой и странно неустойчивый путь, тогда как истинно надежный и красивый, как сама природа, замалчивается. Сейчас, боюсь, все стражи «прогресса» накинутся на меня всеми своими «животами», им наплевать на то, что этот самый «прогресс» породил Чернобыль, наркоманию, СПИД... Выступит раз в сто лет разумный академик Яблоков, и снова в эфире «пряники» автомобильного сумасшествия, «фестивали» бездушия, реклама лжи. И все для того, чтобы выкрасить «белой краской» забор роскоши на зависть восьмиклассникам, ибо старушки-то, проходя мимо такого забора, крестятся.

Конечно, никакие статьи и лекции не воспитают подростка, растущего в окурочных, заплеванных подъездах, воспитать его могут «Кра-

сивое крылечко» русской избы, «Солнечный сенокос», «Уборка хлебов» — что я и пытаюсь рисовать всем данным мне талантом. На открытии моей выставки в Устье художник В. Н. Корбаков рассказал вам, уважаемые читатели, что две мои большие работы прошли на главную выставку века в Москве, но, дорогие земляки, повесили в экспозицию только одну, а крестьянку («Судьба») не повесили, потому как «мундирам» не хватает места... В каталог наметили обе, но там буковки, а не репродукции — даже на таком уровне культура страны не смогла выпустить полный цветной каталог. Слава Богу, наша Плесская выставка (тоже в Москве, на Поклонной горе) будто бы успешно работает, там четыре мои работы защищают мою формулу крестьянской философии. Ну, а у вас, уважаемые земляки, в шикарном зале библиотеки висят и зазывают вас 39 моих работ, там «хозяюшки» излучают природное тепло и земную мудрость, нужно только видеть их. Я желаю всем доброго здоровья на новый век и хочу поближе с вами познакомиться.

«Северная новь», 18 января 2001 г.

В РОДНОМ УСТЬЕ В ЯНВАРСКИЕ МОРОЗЫ Я ЦВЕЛ МАЙСКИМ СОЛНЫШКОМ

В прошлой своей заметке в «Северную новь» я выразил желание поближе познакомиться с земляками. И вот 23 января это мое желание стало реальностью. Приехал в Устье на дневном автобусе, и встретивший меня в центре поселка Юрий Александрович Стригин, энергично отобрав у меня портфель, быстрым шагом повел в районный дом культуры. Там, в маленькой и холодной комнатке, на фоне красивого ковра из детских рисунков я увидел пытливые и милые лица не менее тридцати детей с их учителями и руководителями студий. Мое плохое настроение из-за отмены утреннего автобуса и некоторая дорожная усталость исчезли тут же, будто корова с одного из этих чудных рисунков взяла да и слизала языком. Я тоже снял головной убор, ибо мальчики ждали меня с непокрытыми головами. Были они при этом весьма серьезны.

Светлана Романовна Кошелева, словно сошедшая прямо с фресок Джотто, представила всю замечательную экспозицию ребят Устья и других школ района, среди которых была даже Первомайская школа. Школьников из села Богородское привезла учительница Светлана Николаевна Карамова, напомнившая мне героиню фресок уже Дионисия.

Я расцвел майским солнышком, утопая в удивительной красоте детского таланта. Было трудно сразу определить лучшие работы, потому как свет, цвет детской непосредственности, словно счастливые сети, увлекали меня. Выбраться из этих сетей мне помогли обе Светланы, объясняя, что эта выставка продолжит свою работу до 9 февраля, когда и будет заключительный аккорд всего конursa в честь 65-летия Николая Михайловича Рубцова. С большим трудом, но все же были выбраны особо интересные работы, при этом подмечены отличительные качества всех остальных.

Расставаться с выставкой не хотелось, но время шло, и было высказано желание пройти из холодной январской комнаты-«музея» в теплое здание районной библиотеки, где лето выставки художника (фамилию которого я не запомнил) обещало нам продолжение разговора об искусстве. В библиотеке всю группу любезно встретила ее директор А. П. Варганова. Раздевшись, дети и взрослые прошли в зал, где уже сам художник (да-да, вы правильно догадались — это был ваш покорный слуга) провел обзор каждой своей картины. Дети слушали меня очень внимательно, обстановка напоминала эрмитажную экскурсию. Были вопросы, были ответы. Потом все сели в красивые красные кресла, и начался откровенный разговор о радостях и трудностях творчества. Художник подробно рассказал о своем становлении, о некоторых хитростях и наивностях собственного пути в живопись. Обсуждался вопрос, куда и как можно поступить учиться рисованию. Очень искренно и взволнованно был затронут сюжет о необходимости детской художественной школы и вообще школы детского творчества. Но все упирается в отсутствие финансов и преподавателей. На встрече присутствовала заведующая отделом культуры Л. Ю. Смирнова, которая лучше всех знает проблемы создания этой школы. Трудная, конечно, дилемма, и, наверное, долго еще России ждать, пока все богатые наперегонки начнут строить детские дома творчества и галереи, спортивные комплексы с бассейнами прямо во дворах и школах, где юное племя, забыв «подвиги» дискотек, будет запросто приобретать здоровое физическое, удивительно оформляя его здоровьем нравственным, где искусство и труд на земле станут одним единым образом красивой, полнокровной жизни. Чтобы как-то приблизить это время, я искренне посоветовал ребятам самим создавать в своих душах маленькие «домушки» искусства, используя при этом современную технику цветного фото, снимая удачные рисунки, вышивки, вязание, плетение, роспись, создавать свой творческий архив, который и будет ясным каждодневным руководителем роста души и таланта. Именно это и ведет человека с детства к совершенству.

В конце встречи две девочки показали мне свои альбомы с очень хорошими рисунками, в которых я оставил им добрые пожелания больше и смелее рисовать. Потом мы еще долго беседовали с сотрудницей библиотеки Е. Мальгиновой, которая пробует быть искусствоведом выставки в библиотеке, и я рассказал ей, что и как примерно можно говорить в обзоре этой выставки. Она очень вдумчиво и с интересом вслушивалась в мои тайны творчества.

Затем мы с Ю. А. Стригиным посетили дом детского творчества. Нас очень приветливо встретила директор Н. С. Малышева, она же руководитель кружка вязания и вышивки. На стенах мы увидели очень красивые и душевные прикладные достижения детей. Одна девочка увлеченно вышивала, не обращая на нас внимания.

В следующей комнате уже знакомая мне Светлана Романовна вела занятия кружка рисования, заодно рассказывая нам о достижениях своих учеников, работы которых ярко и красиво торжествовали на настенных стендах. Поговорив о значении детского творчества, о трудностях работы в старом здании, мы с Юрием Александровичем, наполненные детской фантазией, тихонько вышли на мороз, где без тепла детских вышивок стало значительно холоднее и чуточку грустно. Мои впечатления от этих ярких встреч с детьми моей родной земли начинали оформляться в новый сюжет уже моего творчества в мастерской.

А утром 25 января в семичасовом автобусе я уже ехал к себе в Вологду и, прижавшись к спинке сидения, рисовал в воображении свою поездку в село Богородское, куда любезно был приглашен учительницей Первомайской школы (в апреле этого года). Поеду обязательно, ибо родные глубинки влекут меня всей своей природой, мудростью и чистотой.

«Северная новь», 1 февраля 2001 г.

БУБЕНЧИКИ ТВОРЧЕСТВА

Многие наши земляки и раньше знали, что живущий в Вологде художник Генрих Алексеевич Асафов родом из Устья. А с конца прошлого года он стал в нашем поселке частым гостем. Последний раз он побывал у нас 9 февраля на фестивале детского творчества «Юные дарования — третьему тысячелетию». Генрих Алексеевич пообещал: «Приеду домой — и сразу же напишу вам о своих впечатлениях об этом мероприятии». Слово свое, как всегда, сдержал — 13 февраля в редакционной почте

появилось письмо, которое мы и предлагаем вниманию читателей. Знаем, что многие из них с удовольствием читают рассуждения именитого земляка.

Поселок Устье 9 февраля был разбужен бубенцами заключительных мероприятий детского фестиваля «Юные дарования — третьему тысячелетию». Все спешили на встречу с участниками «Рубцовских чтений», хотели видеть выставки детских рисунков и поделок, которые блистали красочным талантом в районном доме культуры. Спешил туда и я с моим постоянным спутником по Устью Юрием Александровичем Стригиным. В небольшом выставочном зале сразу же были согреты детской фантазией и цветом, с любовью оформленными в мягкие паспарту. Зрителей светлой улыбкой и добрым взглядом встречала Светлана Романовна Кошечева. Она помогла ребятам оформить их работы, она же на хорошем искусствоведческом уровне рассказала о секретах своей работы с детьми, об искусстве детского восприятия мира. И все находившиеся в зале чувствовали, как от мягкого серого фона к теплу, идущему от батарей, присоединялись тепло и радость от детских рисунков. В моей душе уже расцветал богатый гладиолус восторга и гордости за милое подвижничество родной земли. Так хотелось сказать всем участникам этой замечательной выставки искреннее «спасибо», пожелать им и далее рисовать (еще смелее и богаче) все, что их окружает, обязательно хранить свои рисунки и учиться самим у себя, проверяя свои достижения на природе. Именно через свое каждодневное неустанное творчество человек растет духовно, нравственно и физически. В этом процессе он страстно вскапывает свою жизненную грядку до пуха благодати. И только тогда уже не надо будет дожидаться счастья, ибо оно — заработанное — будет падать к ногам зрелым яблоком от богатой творчески — трудовой яблони.

Муза прикладного искусства чисто и весело лилась с оранжевых стен, и зал всей своей аурой напоминал огромный медный самовар. Восторг от детских рисунков был подхвачен новым течением радости, исходившей от вышивок, росписей, резьбы по дереву, плетения из бересты, всевозможных вязаний и воображения Божьего дара детей. Красивые, восторженные руководители охотно рассказывали о своих питомцах, показывали изделия учеников своих школ, поясняя, кто, что и как сделал.

Честное пионерское, ничего подобного я не испытывал, прожив 9 лет в Москве и бывая на разных выставках! И я уже жалел, что не пригласил всех вологодских художников и искусствоведов на это чудо, родную мне стихию таланта. Меня попросили сказать несколько слов об одном замечательном рисунке, висевшем в этом же зале. Девоч-

ка-автор скромно стояла в сторонке. Ее подозвали, и я с удовольствием отметил хорошую композицию (на рисунке изображены лошадки), задушевность колорита. Посоветовал юной художнице больше мягкости в линии рисунка и присутствия в пейзаже человека, потому как все мы являемся частичками природы. Труд на земле — основа жанровой картины, самое трудное в изобразительном искусстве, поэтому немногие художники пишут жанровые композиции. Это трудно, и именно поэтому надо с детства смелее брать за рога этого упрямого «бычка» творчества.

А потом посетителей выставки пригласили в большой зал РДК на концерт. Зал наполнялся молодежью, учителями, мамами, бабушками и вскоре был полон. Те, кому не хватило мест, стояли вдоль стен. Молодая красивая ведущая в ярком праздничном наряде весело и высокопрофессионально начала концерт и в течение двух часов не отпустила внимание зрителей от сцены, на которую выходили юные дарования. Мне понравилось все, но особо — исключительная гармония «отцов и детей» в выступлениях малышек вместе со взрослыми. Из глубины зала детишки казались маленькими зернышками, посаженными в благодатную почву творческой сцены. Эти милые картинки я назвал бы эпиграфом всей мелодии концерта. Спасибо взрослым за мудрость! А детям — за смелость творить! Запомнился царь Горох в короткой, талантливо разыгранной сценке про Гороховое царство. Мальчишка вжился в образ царя прямо по системе Станиславского! Рядом со мной сидел Валерий Анатольевич Морозков и тоже умиленно восхищался маленькими артистами на большой сцене. Запомнилась девочка по фамилии Стародубцева, игравшая на пианино. Как сказал мне Юрий Александрович Стригин, это дочка дочери Михаила Александровича Бараева, которого я прекрасно знал. Он учился с моим старшим братом Мануилом и часто бывал у нас в доме. Михаил Александрович был прекрасным певцом и мастером устьянской сцены. Вот вам, дорогие земляки, суть философии висящей в библиотеке моей картины «Древо жизни». Оказывается, яблонька-то растет рядом с яблоней!.. А сестру Михаила, Полину Александровну, я встретил на своей юбилейной выставке в апреле 2000 года. Она тоже прекрасно пела. А еще была у нас с 5 класса классным руководителем.

Добрейшей и чистейшей души женщина! Написала мне в книгу отзывов родные и теплые две страницы. Такие вот воспоминания вызвало у меня выступление Наташи. И мне было до слез приятно узнавать новые сочные корешки талантов моего Устья.

А разве можно было не заметить (а потом — забыть) искрометные танцы мальчишек и девчонок дискотечного возраста! Какие молодцы! Сколько желаний показать свою здоровую молодую

удаль! Танцы стали богатой рамкой для милых стихов в исполнении девочек.

Я абсолютно уверен, что именно этот замечательный концерт и выкатил на следующий день на небо по-весеннему яркое солнце, доказывая нам, как прекрасна жизнь, напитанная искусством юных дарований. От всей души благодарю организаторов и руководителей этого творческого потока, желаю всему Усть-Кубинскому Союзу доброго здоровья и творческого счастья!

«Северная новь», 22 февраля 2001 г.

ДОРОГА К РОДНОЙ ШКОЛЕ

Дорогие читатели районной газеты и, в особенности, учащиеся Усть-Кубинской средней школы! В недавнем разговоре с директором школы Евгенией Петровной Соловьевой я пообещал подарить малую галерею моих произведений родной школе, которую закончил в 1957 году. И вот 7 марта 2001 года это действие состоялось. Четырнадцать работ пришлось к месту в одном из классов моей школы и начали свой труд на благо воспитания. Свою крестьянскую тему я считаю самой важной и необходимой в искусстве во все времена, ибо в ней — чаяния самой матушки-земли органично вплетаются в раздумья и труд самого близкого в природе и Богу человека — крестьянина. Он привлекает меня своей организованностью в труде и мыслях, он гармоничен с его полем, избой, он знает глубокую суть земли. Ее значение богато и важно вошло в судьбу трудовой жизни, которая светится прекрасным образом высокого нрава, духовного и физического здоровья.

Центром моей школьной экспозиции является умудренный жизненным опытом, с коромыслом на плече и полными ведрами чистой кубенской воды житель старой русской Деревни. Ясно, что он — мастер своей судьбы, потихоньку-помаленьку несущий полные ведра своего глубокого сознания и веры в правильность и мудрость деревенской жизни. Его весна — с потемневшими снегами, его солнце — в закате, его шаг — усталый. Но это образ большой трудовой радости, затаившейся в глубине его честного и красивого пути. Он смотрит на зрителя опытным взглядом, проникая в суть нашего времени и наших чаяний. Он неназойливо, всей своей внешностью внушает нам необходимость жить просто, без суеты и скольжения, что и является самым трудным в этом прекрасном мире.

Над центральной жанровой картиной — полоска из четырех этюдов, написанных в Чиркове, и эскиз моей большой картины «Русские женщины». Эти маленькие вещи, как бубенцы уже нашего времени. Они несут радость и веру в красоту каждого нашего дня.

Слева и справа — две картины, изображающие сенокосную пору в родном краю, которую я очень люблю, в которой вместе с отцом постигал премудрости осоки и тайну Кубенского озера. Мажор красок и композиция вещей ведут сказ об элементарном труде на природе, где солнце и ветер чисто и благодатно вдохновляют на широкий прокос, в конце которого (я помню!) накатываются непонятная радость и жгучее желание попить чайку из мягкой кубенской водицы. Над этими жанровыми картинами — два маленьких пейзажа. Надеюсь, они будут узнаны зрителями, ибо это виды на школу и библиотеку (где продолжает работать моя выставка — подарок родной земле). Кстати сказать, все 14 работ в школе я тоже дарю и искренне радуюсь этому своему поступку.

Два устьянских пейзажа обрамляют по два эскиза, где полноводная Кубена в спокойном, мягком течении умиротворяет мужичков, плывущих на лодке то ли на работу, то ли на обед. И все же спокойствие цвета говорит о несчетности моментов нашего устьянского бытия, где счастливо купаются дети и необходимо-важно женщины полощут белье. Это мои ранние этюды, а во всей экспозиции я показываю разные этапы моего творчества.

Вместе с картинами я подарил школе маленький сборник моих стихов с моими же рисунками и цветной каталог-альбом с моей юбилейной выставки, которая проходила в картинной галерее Вологды в апреле 2000 года. Что касается юбилейного каталога в цветном исполнении, то для меня это — радость неожиданная. Я давно перестал ждать появления цветного хорошего издания и воспитывал в себе равнодушие к любой публикации. Я однажды сказал своей душе: «Вот что, милая, хватит ныть и страдать о страстях славы и популярности, пойдем-ка, хорошая, пешком до мастерской и будем картиной докапываться до настоящей радости...» Она послушалась, и мы докопались до истинной сути труда. А тут — ба! — еще и этот каталог! Ну, я не против. Еще одна радость, думаю, дай Бог, не повредит.

Теперь о жанровой картине. Это когда люди изображены в труде, в отдыхе, в спорте. Это считается в изобразительном искусстве самым трудным, потому что художник обязан уметь рисовать человека, быть и портретистом, и пейзажистом, и психологом одновременно. Этому, конечно, нужно учиться. И я учился 5 лет в училище и 6 лет в Суриковском московском институте. А у нас ходят слухи: если хочешь получать мало, то учись много... Но я не унываю, ибо то, чем

занимаюсь, сформировало мою волю и страстную любовь к природе, к работе в мастерской и на земле, что дает мне возможность не сидеть в ожидании счастья сложа руки, а «жарить картошку» и находить много света и цвета в каждом МОЕМ дне.

Так вот, именно в жанровой картине и таится шанс больше и глубже сказать о времени и о людях, с которыми связало меня это время. Поскольку тема моя — самая земная, а для очень ленивых моих современников земля — это «грязь», то престижа маловато и внимания к этой глубочайшей философии почти нет. Потому-то и потребовались мои 60 лет, чтобы упорно и любя писать на холсте эту удивительную мелодию крестьянина, талантливее которого может быть только природа.

Некоторые «преуспеватели» мне говорили: «Да брось ты со своим крестьянином — это пьянь и воришки». Да, такое есть уже и в деревне, но я-то ищу и пишу ИДЕАЛ! К нему я тянусь сам и тащу эти «сани» в горку красоты и здоровья нации. И если уж начали издавать мои цветные репродукции, то, значит, я достучался до сути творчества и самой жизни.

Хочу надеяться и верить, что мои картины, как народные артисты, сыграют положительную роль в житейской сцене моей школы. К тому же они есть не просят и, чем старше, тем дороже и важнее становятся. Пройдет каких-нибудь 30-50 лет, и они станут историческими, по ним новое поколение будет судить о нашем времени, что и дает надежду на полное отсутствие новых Ивановов, не помнящих родства. Я, конечно, понимаю, что в окружающей нас действительности происходит утрата нравственных критериев, идет разгул разрушительных страстей, и потому решительно и смело не верю в утопию патриархальной крестьянской замкнутости, а верю в природную силу и мощь крестьянского образа мышления и труда. И потому мой герой — монументален, мажорен и ярок, готов перейти в мозаику и фреску, ибо это — искусство. Доказательство тому — долгожданный альбом-каталог моей юбилейной выставки. Мне хочется творить, а это — главное.

«Северная новь», 20 марта 2001 г.

ДОРОГА К СЕБЕ

В начале апреля 2001 года я был приглашен на день открытых дверей в Первомайскую среднюю школу села Богородское. Я обещал приехать обязательно, с подарком. 5 апреля я был уже у Юрия Александровича Стригина, а в 8 часов утра за нами

заехали на «УАЗике» Светлана Васильевна Лучина и Владимир Юрьевич Шурманов. Мчались мы быстро. Я с особым любопытством поглядывал на милые весенние просторы моей родины. Душа утопала в блаженстве солнечного колдовства над полями, где уставшие остатки снежных островков безнадежно прятались в теньках холмиков и канавок. И вот уже деревня Дукачево. Одинока темная развалина избы. Как будто во сне, я вдруг увидел совсем молодую свою мать, Катюшу Блохину, и тут же выскочил молодой отец и надел ей на палец свою подковку...

Да, моя мать родом из Лукачева, а отец из Богослова, и бегал он эти четыре километра, не чувствуя ног, и ковал в дедовой кузнице свое Асафовское счастье, которое досталось и мне...

А вот уже и само Богослово. Где, где эти две дедовские кузницы? Нет — нету. Только за ручьем мелькнула снежная звезда моего деда, раскулаченного и сгнувшего где-то под Мурманском в мои годы. Я абсолютно уверен, что Бог дал мне ума и таланта за горькую судьбу моего деда Володи, в которого я уродился («Весь — в деда!» — говорил отец).

Пролетаем село Никольское. Я полон сил и желания творить на память и в честь всех честных тружеников моей коренной земли. Вот село Бережное. Мы с Юрием Александровичем выходим. Он хотел познакомить меня с художницей Ниной Павловной Яруниной, преподавателем географии Устюжской школы. При входе на второй этаж я увидел любопытные картины, колорит которых портила назойливая белая краска рам. Познакомившись с директором школы Надеждой Васильевной Колесовой, мы прошли в учительскую, где и застали художницу Нину Павловну. Слегка смутившись, она повела нас в школьный музей, где были и ее работы. Войдя в музей, я был потрясен богатством крестьянской формулы настоящего гения. Это был взлет моей мечты и гордости за красоту всей крестьянской избы, где живописный скарб и житейская утварь питали и украшали трудную русскую судьбу.

Лишний раз я почувствовал правильность выбора темы моего творчества. Именно эту причудливую крестьянскую живость ума и таланта. Именно эту живую связь с Землею я и хочу продолжить в своих картинах, но уже на уровне моего времени, в котором душевным цветком сияет и творчество Нины Павловны. Мне сразу согрело душу ее естественное единение со всем богатством музея. Она красиво и гармонично продолжает и хранит талантливую крестьянскую душу. Ее «наив» высвечивает истинный талант настоящего художника, и я бесконечно рад знакомству с ее картинами.

Особенно хороши портреты Н. Рубцова, А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина. Да и в пейзажах много тепла, добра и настоящего

неакадемического таланта. Это большой художник, и я очень рад, что она живет в моем районе. Мы договорились, что попробуем показать ее «вещи» в Вологде. Не спеша и без суеты попробую найти зал. И еще мы договорились сделать в ее школе совместную галерею-подарок. Учителя помогут подобрать стенку, под началом Юрия Александровича обтянут ее экраном светлого холста, протянут под потолок трубку, на которой и будет грамотно висеть наша экспозиция.

Уже на выходе ко мне обратилась милая учительница и хотела познакомиться с девочкой, которая тоже рисует. Но мы уже должны были выходить на дорогу, «наша» машина должна была довезти нас до с. Богородского.

Так что и та девочка, и Нина Павловна, и весь приятный коллектив школы во главе с мудрой Надеждой Васильевной, рисуйте, пишите стихи, ведите дневники и т. д., ибо только искусство, только творчество кладут на лопатки невежество и хамство. Ваши ученики мило и по-хорошему здороваются, что говорит об огромной потенции таланта и культуры!

А я обязательно еще приеду и познакомлюсь со всеми творцами и готов встретиться со всей школой и побеседовать об искусстве...

Но вот мы в селе Богородское. Школа уютно расположена на краю бора. Учителя района, приехавшие ранее на автобусе, работали по программе, но и мы с Юрием Александровичем успели на веселый и полезный концерт матросов «Чайки». Путешествие по океану освятило уже забытые мною знания. Непосредственность артистов вызвала приятную умиленность, такое едва ли встретишь в городе...

Мы познакомились с директором школы Анатолием Сергеевичем Карамовым, молодым, спортивного вида учителем. На втором этаже в кабинете «2» нас любезно встретили. Меня тут же узнали, что приятно удивило... Нам показали стенку, куда мы быстренько и повесили мой подарок — 15 этюдов, где триптихом на трех планшетках изображены виды Чиркова, Санкт-Петербурга, Устья, г. Плеса, воспетого великим И. Левитаном, где и мы (пять вологодских художников) побывали в прошлом году на открытии выставки пейзажа 11 регионов России. Где, кстати говоря, вологодские художники выглядели самыми сильными, а я вообще испытал свой первый триумф. Потом мы встретились с уже знакомой мне Светланой Николаевной, которая была удивлена, что подарок уже висит.

После завершения плановых мероприятий все директора школ и учителя, их сопровождающие, поднялись к моей маленькой экспозиции. Светлана Васильевна Лучина представила меня присутствующим, рассказала о моих подвигах в Устье, о своем впечатлении о моей мастерской, где они побывали 16 марта 2001 года после презентации

моего цветного каталога в картинной галерее г. Вологды. В том посещении участвовали Валерий Анатольевич Морозков, Любовь Юрьевна Смирнова, Владимир Николаевич Корбаков, Алексей Шилов (друг Н. Рубцова, исполнитель песен на его стихи под гитару), ну и был там еще художник Юра Коробов.

Затем предоставили слово мне. Я рассказал о тайне этюда как о начальной ступени к картине, о прекрасном впечатлении от посещения обеих школ: и в Богородском, и в Бережном, поблагодарил за приглашение, пообещал провести осенью показательный урок по искусству, форму которого я соображу не спеша и серьезно. Конечно, все это я делаю не ради славы — она мне нужна как собаке пятая нога. Я совершенно искренне и с надеждой вижу в глубине самые здоровые корни нравственности и природного таланта и, подобно Спартаку, хочу поднять «восстание», но не клинком, а кистью, в борьбе с тупым невежеством, чванством и растаскиванием российских богатств, ибо верю в непобедимую силу искусства, ростки которого и таятся в глубине родины.

Я вижу гений «пятиклашек» и верю в него, в святую и чистую непосредственность приятных и уже воспитанных учеников, живущих в самой Природе. И нужно спешить раскрыть им глаза на ее богатство, тогда они с гордостью и настоящим патриотизмом будут рисовать свою родину, крепнуть физикой и умом, и тогда не будут они завидовать Америкам и Норвегиям, ибо ясно разберутся, где семя, а где жмых. Можно, конечно, ездить в Москву и «вылизывать» звания и титулы, но я поеду в другую сторону, работать и творить!

«Северная новь», 17 апреля 2001 г.

АЗБУКА ТВОРЧЕСТВА

Будучи 6 апреля в Первомайской школе, я пообещал провести показательный урок для детей. Пообещал, но оговорился, что у меня начинается дачный сезон, к которому я отношусь так же творчески, как и к рисованию, ибо мои 6 соток не только вдохновляют меня, но и кормят. Поэтому урок отодвинули на осень. Но во время работы на земельном участке, который находится в 5 километрах от Вологды и куда я, конечно, хожу пешком, мысль под воздействием приятных физических нагрузок также работает и додумывается до более толковых соображений. И потому я решил через родную газету «Северная новь» провести такой урок. Ведь газета обладает способнос-

тью охватить сразу все школы района и даже взрослых, которым, может быть, скромные мыслишки о творчестве тоже пойдут на пользу.

Приближаются летние каникулы. А это для любителей наблюдать и рисовать — самая благоприятная пора в плане накопления этюдов, набросков, задумок, которые с успехом вытеснят самые грустные моменты жизни. И очень может быть, что за одно лето искусство проявится чем-то важным и очень необходимым, потому как по сути оно и есть источник здоровья и счастья. Итак, что же такое художник? А художник, дорогие мои современники, это все! Это сама жизнь во всех ее проявлениях, потому как от ложки с тарелкой до рубашки с платьем, от домов до самолетов — все начинается с художника. Художником называют и хорошего писателя, музыканта, артиста, и мастера любой профессии. А в крестьянской жизни мастер — это непременно художник, потому как вся утварь — это произведения искусства, несущие в себе не только утилитарный смысл, но и творческий элемент, вдохновляющий душу общества. Крестьянский художник не стремился на выставки, он просто жил в своем искусстве, оно украшало его быт, наполняло чувством и развивало мысль и фантазию, формы которой не отрывались от земли-матушки. И потому крестьянин был здоров, при деле и в ясных жизненных заботушках, которые писали его воображение. Никакой тебе наркомании, потому как дел вокруг избы и печки хватало на всю жизнь. А самое главное — множество детей на лавках тоже участвовало во всех делах и копило ума-разума помаленьку, как копит свои кольца жизни дерево.

Так что, дорогие мои земляки, встали рано — посмотрите на небо, солнышко-колоколнышко и тучки все уже в работе. Картина неба всегда прекрасна — это живое искусство! А весной особенно много творчества у природы. Она, умница, так и зовет в огород, в поле, на речку, особенно ребянтю, которая помогает родителям освоить многоэтажный сельский труд. А в конце дня как приятно нарисовать трудовой день: физическая усталость начинает пить из ручья творческого взлета и, на тебе — естественная и настоящая радость гонит уныние, зависть и всякие там поползновения хворей.

Одна женщина (детский врач), бывая у меня в мастерской, приобретает вместе с этюдом отдых и говорит, что в больнице стали тихонько приобретать оптимизм цвета. А я вообще советую выкинуть все пилюли, а «уставшим» показывать соответствующие картины и читать красивые, верные стихи.

В любом деле, понятно, нужно не лениться, ибо лень — мать порока. Именно она выпрямляет извилины, и уже вместе с физичес-

кой ленью леньность ума тут же рождает зависть, боли в пояснице, зло и тугоумие, которое терпеть не может искусство, потому что оно для него недосыгаемо.

В пыльной Вологде — полные автобусы людей с грустными глазами и бледными лицами, но можно услышать о любви к деревне, к дачам — то есть крестьянские гены проявляются лучшими природными качествами. Стало быть, дорогие мои земляки, ваша деревня есть источник доброго искусства мыслить и творить, опираясь на живую возможность работать «на помидор».

Я, конечно, могу показать отдельному классу или группе ребят мои приемы творчества, но они у меня уже далеко не школьные, наполнены моей интуицией и моим творческим опытом, потому едва ли будут школьниками усвоены. Да и цель моих встреч далека от того, чтобы сделать всех в этом мире похожими на меня. Все как раз наоборот. Мы рождаемся абсолютно разными, значит, и творчество должно стать разным. В этом как раз и таятся его сила и предназначение. Учет особенностей индивидуума должен присутствовать в любой профессии, ибо именно в этом интерес и страсть творчества.

Мне хочется посеять семя любопытства и желания наблюдать и видеть чудеса природы и самой жизни во всех ее проявлениях. И чтобы это желание переросло в постоянный процесс творчества, в котором, опираясь на лопату, человек растет физически и духовно до настоящего творца и непременно становится интересным и красивым. Я даже сторонник того, чтобы дети двигались в искусство самостоятельно, потому как школа «гребет всех под одну гребенку» и делает всех учеников похожими. Поэтому в искусстве гении — редкость. И это ненормально, должно быть нормальным, когда гениальных много.

В училище и в институте из меня «выбивали» самые важные деревенские качества: я, видимо, казался ковром, в котором много пыли. А во мне было и остается много ЗЕМЛИ! Я доверял моим крестьянским генам и, несмотря ни на что, верил земной теме, так как был уверен в необходимости появления новой планеты в искусстве и вообще не желал возвращаться вокруг какого-нибудь выдающегося художника. Увы, это делают очень многие, получая успех и богатства, что, по сути — великий грех. Такие нехудожники — просто на «поводке» у «бивней общества», вершителей экономических вулканов, лава которых жжет и топит живую душу народа, доверие и чистота которого — в долине жизни. Только крестьянин в своей самодостаточности не признает «поводка», он любит труд на родной земле, исполнен мудрости бытия, укрепляет сознание истинного патриотизма, чем и убеждает меня быть верным его стихии жизни.

Я верю теме земли, как солнцу и небу. А завтра с утра под солнцем и небом пойду пешком докапываться до радости, чтобы потом воспеть ее в искусстве.

«Северная новь», 12 мая 2001 г.

СЛОВО ТВОРЧЕСТВА

В газетах очень много пишется о необходимости поднятия экономики и культуры. Но в последнее время мало объясняется, еще меньше предлагается способов поднятия культуры. Боюсь, что большинство господ мыслит под культурой театр, телевидение, музеи, галереи. И это замечательно. Но все эти заведения в городах, а в селах и деревнях их нет.

У меня есть мысль открывать в школах нашего Усть-Кубинского района небольшие галерейки, подобные той, что мы открыли в Усть-Кубинской средней.

На очереди у нас с Ю. А. Стригиным школа в с. Бережном, где мы договорились с Н. П. Яруниной сделать совместную галерейку — подарок. Для этого нужно место на усмотрение директора и учителей школы. Если стена не очень хорошо смотрится, то нужно ее закрыть экраном холста, как в Устье, прикрепить трубку на расстоянии 10-15 см от потолка.

Теперь я смело обращаюсь к директорам Октябрьской, Первомайской, Заднесельской школ, чтобы они тоже подбирали и готовили такие стенки, а может быть, и комнатки для галерей. Я потихоньку буду заполнять их картинами — подарками. К этому процессу нужно подключить всех: и рисующих ребят, и учителей, и прикладников, чей труд я тоже могу включить в экспозицию музейчика школы.

Только не будем спешить, ибо программа большая, а главное, культурная. Это я ставлю выше всего. Тем более, что здесь подразумевается и труд на грядках, и в саду, и в поле, ибо это тоже культура.

Я это все замыслил потому, что видел яркое любопытство глаз ребят 5-го класса, где училась моя дочь Татьяна. С ними в 1993 году у меня была встреча в картинной галерее г. Вологды. Тогда один мальчик меня удивил тем, что ему понравились мои «темные» картины, за которые меня до перестройки собирались исключить из Союза художников, якобы за очернительство действительности (этот мальчишка школу окончил с серебряной медалью, сейчас он — студент политехнического университета). На той встрече была удивлена и сама классный руководитель, и даже не знала, что мне сказать. А сейчас она директор Воло-

годской школы № 30. Вот такие «пироги пекут» картины, особенно они бывают «удачные» с раннего детства, о чем и мечтает моя «печь»!..

В свою программу я попробую подключить и других художников Вологды и Тотьмы, но особо охочих дарить пока нет. Надо и тут работать, тем более подарки должны быть на уровне искусства, а не кой-чего.

При открытии этих стенок — галерей я готов буду встретиться и с учителями, и с учениками, поговорить с ними об искусстве и о том, что за «окном»...

Вы меня спросите, где я возьму столько картин. Дело в том, что они могут появиться прямо в том селе, где и мыслится галерея, в виде пленера, на который я могу прибыть с другими художниками или же один. Все это за мой счет, так что школа может быть спокойна. Я могу жить у какой-нибудь бабули и творить эти милые места. Разумеется, таким плейером я буду совсем доволен, если рядом со мной будут местные ученики и учителя. Пусть смотрят, может быть, чему и научатся.

Я еще раз говорю, что в этой программе спешка с унынием должны заблудиться в роще таланта, желания и радости, ибо я бесконечно верю в живительную силу творчества, куда включаю всю формулу избы, природы, живописи, стихов и прозы на крепкой основе труда на земле, от сенокосов до урожаев всех видов.

Школа не должна бояться взахлеб говорить о счастье сельского труда, а творчество — именно на селе! Ведь дерево растет не на камнях и асфальте...

Малые галереи могут и должны быть и в домах культуры района. Все должно основываться на подарках, ибо деньги — великое зло.

А у меня есть цель, есть труд, есть желание.

«Северная новь», 11 сентября 2001 г.

ИСКУССТВО — В ГЛУБИНКУ

**Картины я дарю
Народу своему.
И небо я молю:
— Дай силушку ему!
Чтобы его «Избу»
Не задушил «прогресс»...
Крестьянскую судьбу
Чтоб не нарушил стресс.**

**И пусть леса шумят
Для ягод и грибов,
Да больше пусть ребят
Рыбчат с берегов.**

В апреле этого года, будучи в с. Бережное и познакомившись со школой, я пообещал подарить стенку-галерейку. Был очень рад, когда в моем проекте согласилась участвовать Нина Павловна Ярунина, учитель географии и чудный художник.

7 декабря в школе был намечен день открытых дверей, и я пообещал к этому дню приурочить экспозицию. Обещание свое выполнил. У себя в мастерской продумал и сделал эскизик стенки-галерейки, а 6 декабря за мной приехал Женя, прекрасный шофер, и, как на крыльях, доставил меня и мои картины сначала до Устья. Там мы пригласили Ю. А. Стригина помочь сделать нам развеску картин. Он любезно согласился, и через некоторое время мы уже были в Бережном.

Директор школы Н. В. Колесова уже ждала. Подключился в помощники Саша (работник школы). Через пару часов все работы ладно расположились на чистой стене: 16 моих, 4 картины Нины Павловны и две декоративные дощечки ученицы 11 класса Людды Грачевой. Ее расписная синяя птичка мне приглянулась в классе труда, и я включил ее в нашу экспозицию. Мимо проходили учителя, и по их любознательному и светлому взгляду я понимал, что галерея начала работать. По живому, спокойному, радостному состоянию Надежды Васильевны я понял, что все «слава Богу»... И все тот же Женя быстро доставил нас с Юрием Александровичем в Устье, к нему домой.

А утром 7 декабря вместе с учителями в теплом автобусе мы снова приехали в школу с. Бережное на день открытых дверей. Учителя занимались по своей программе, а нас с Юрием Александровичем повели знакомиться с детским садиком, где я был приятно удивлен прекрасными рисунками и творчеством детей и воспитателей. От искусства было очень тепло.

Где-то в 11 часов состоялось открытие нашей выставки-подарка. Собралось много детей и учителей. Я уже не первый раз открываю свои выставки и все равно волнуюсь, потому как происходит встреча с новыми людьми; новые работы, выполненные на основе местного материала.

Слово приветствия хорошо сказала Надежда Васильевна. Потом было предоставлено слово мне. Я сказал о сути выставки, о представленных этюдах, эскизах-портретах, эскизах групповых портретов, пейзажах и центральной композиции на фоне реки Уфтюги со знакомым всем мостом: На картине изображен парень-рыбак, он пой-

мал на удочку хорошего судака, а может быть, даже сига и гордится перед ровесниками уловом.

Я вовсе не случайно взял тему рыбалки, ибо если рядом есть река, значит, есть и рыбаки, а рыбалка — это прекрасный образ труда и отдыха в чудной родной природе.

Через знакомый пейзаж я намекаю ребятам, чтобы они забросили удочки в еще одну прекрасную речку, которая зовется ИСКУССТВОМ, и поймали в ней «золотую рыбку» своего жизненного счастья, которое может быть богаче и величавее через искусство, что является «золотой» рамой труда и будней нашей жизни. Именно через творчество подросток может понять и полюбить эти тихие, родные места природы, которая мудра и бесконечна своей красотой. Она всегда готова поделиться с любопытными своими сокровищами. Собственно к этому я и зову ребят и даже учителей своей уже 4-ой выставкой-подарком в родном Усть-Кубинском районе. Именно в школах (вместе с образованием) искусство и поднимет ребят до уровня настоящей культуры, где дорог и понятен образ труда крестьянина, который мог и печку сложить, и сундук смастерить, и все это красиво, душевно расписать. Для него жизнь становилась искусством, а искусство жизнью! Вот почему он был добрый, умный, сильный, покорявший все невзгоды, в том числе и фашизм...

И я очень рад, что в экспозицию вошла работа Люды Грачевой, как представительницы наследия крестьянской формулы с. Бережное. А холсты Нины Павловны Яруниной — это прямо сиреневые рапсодии, цветны и колоритны, говорящие о большом таланте учителя.

21 декабря 2001 г. в областной картинной галерее будет открыта выставка самодеятельных художников области, и я уговорил Нину Павловну дать три работы для нее. Завтра я понесу их в галерею, уверен, что ее возьмут и все искусствоведы будут охать и ахать от настоящего «Примитива», которое я признаю истинно народным и великим течением в искусстве, гораздо богаче желтеющего «академизма».

Нина Павловна, как истый художник, не ищет славы, потому как она выше этого пустяка, от которого люди портятся, как «прошлогодние огурцы, открытые к свету...»

Я искренне желаю нашей галерейке счастливого плавания по реке добра и таланта. Пусть она вдохновляет ребят на смелость и вдумчивость, пусть суета и дразги жизни не мельтешат у них в каждодневном творчестве, за которое я принимаю и элементарный труд на Земле.

Будьте счастливы и здоровы, мои земляки!

«Северная новь», 20 декабря 2001 г.

ХУДОЖНИК МОЖЕТ ВЫРАСТИ ТОЛЬКО НА ЗЕМЛЕ, А НЕ НА АСФАЛЬТЕ

**Я снова ожил впечатлением
И поделюсь своим волнением,
Где чисто светится душа,
Как лепет первый малыша.**

До 6 декабря 2002 года я жил богатством впечатлений от выступлений устьян в клубе, от непосредственности учеников Богородской школы, от удивительного понимания поэзии Н. А. Некрасова учениками школы с. Бережное. Их подарки у меня в кухне и каждое утро согревают душу своим талантом.

И вот новое радостное явление! Уже в Вологде, в областной библиотеке, которая, кстати сказать, тоже захотела стенку Г. Асафова...

Конечно, я помню и первую встречу «Землячества» в доме народного творчества, где впервые был приглашен к культуре моей родины. И вот новая, все более дорогая и желанная радость.

*Культура! Как «устье» реки,
Как Кубена наша весною,
Где волны чисты и легки
И блещут девятой волною!
Где я бесконечно горжусь
Красою родного искусства!
И чую, что вроде гожусь
Продолжиться Музою чувства.
Коль нету дорожке страны,
Где живопись вес набирает!
Значение девятой волны,
Пускай и стихи забирает...*

За чаем, рядом со мной, была Полина Александровна, родная сестра талантливейшего Михаила Александровича Бараева, традиции которого продолжают его дочь и внучка. Полина Александровна вся светила мудрой радостью, и я, конечно, своей учительнице подарил «мои» цветы.

И было много знакомых, хотя порою и трудноузнаваемых лиц. И было приятное созерцательно-воспоминательное настроение.

*Проходят годы,
Поседел и я,
Но неба своды
Наши все ж друзья!
И мы еще без устали творим!
И все еще о счастье говорим!
А у меня, я верю, впереди..
Оно по сути! (На тебе поди...).*

Дело в том, что до моей мастерской, наконец-то, добралась сама Третьяковка.

Хотя где-то лет 15 назад мне В. Н. Корбаков говаривал, что был бы у меня круг знакомств, то я был бы давно в Третьяковке. Но по знакомству — это путь не мой, то есть сани не мои.

Но поскольку я выбрал путь самый правильный (не угождать ни специалистам, ни народу), то естественно, не ждал и «пряников».

Но когда уезжал из Москвы, то некоторым штатским сказал, что Москва еще ко мне приедет... И вот она у меня в шубе (холодно) ликует три часа и уходит не собирается.

И говорит (стало быть), мол, сразу видно большого, настоящего художника: земной здоровой темой и очень современной формой. Слова мне показались знакомыми и даже золотыми. Я сунулся ставить чайник. Ну, а потом решил показать немного, что у меня в плотных кучках.

Сходу отобрала четыре работы для Третьяковки и говорит, чтобы я их подарил.

Тут я немножечко вострепнулся, говорю, что я дарю родной библиотеке, родной школе и так далее, потому как у них нет денег, а Третьяков купал и нужно соблюдать традиции, ежели я их стою, а ежели не стою, то и дар — подхалимаж...

Рыжая Аполлоновна крепко задумалась.

А я продолжаю: «Я же, мол, «на деревне» хочу похвастать, что купила Третьяковка, а то что я подарил — это на моей «деревне» не новость... А после покупки я вам еще и подарю». Потеплела женщина, даже шубу пооткинула, говорит: «Ну, покажи еще вон те, большие из подсобки». Полный восторг!..

Волнуется уже третий час: «Будем думать, будем искать спонсора!» Уже говорю я: «Замечательная программа».

Я не скрою, дорогие земляки, беседа была не из легких.

Да тут еще я недавно побывал в Москве у своей дочери от первой жены. Внучка моя посидела у меня на коленях, да посетил храм Христа Спасителя, на месте которого был бассейн Москва, где я, дурачина, купался, будучи студентом.

Конечно, покался и как-то покреп. Посетил новую Третьяковку XIX века на Крымском валу, то есть получил представление о конце века, хотя начало века я немного знал (что нам в Суриковке показывали), а вот конец века цвел уже без меня.

И убедился воочию, что в конце-то дела кисленькие... Как-то я читал в «Культуре» о том, что Москва искусством повыхохлась, что нужно искать художников на периферии, где еще жива природа.

Я-то потому и уехал из Москвы, ибо понял, что художник, как и тополь, может вырасти на земле, а не на асфальте и бетоне, и мои крестьянские корни требовали правды земной и настоящей.

И моей собеседнице оказалось это не только понятно, но и приятно.

Чувствую, уходить ей не хочется. Мои березки ей нашептали о чистом и прекрасном, тем более передает привет от двух искусствоведов Министерства культуры, которых я знал по Плесу.

И я ей говорю, что из мастерской гостей без подарка не отпускаю, что, мол, Вам лично готов подарить этюд или эскиз, тем более мне интересен Ваш личный вкус.

Выбрала она замечательный эскиз: мужик колет дровишки. И говорит, чтобы я подписал, а там негде, и на другой стороне бабенка с коровой!

Полнейший восторг!

Я говорю: «Вы выбрали — работа Ваша, пусть будет неизвестный художник, неизвестные художники самые талантливые...»

Вот так и уехала моя двойная работа в Москву. Пусть трудится!

*Искусство в искренности чистой,
Когда без страха ищешь цвет,
Когда встает зарей лучистой
Судьбы божественный совет.*

«Северная новь», 21 декабря 2002 г.

И ВЕРИТ СОЗНАНИЕ, БУДЕТ!

Где-то в глубине души чуточку горжусь тем, что успел подарить очередную, уже четвертую стенку-галерею Первوماйской школе села Богородского.

Своеобразие ее в том, что помимо моих 20 работ в ней, включились в жизнь еще 13 работ пятерых вологодских художников.

*Пусть будут на школьном лоне
У школьников всех на глазах
В Усть-Кубинском милом районе
Картины в простых образах.
И верит сознание, будет!
Мальчишки талантливый час,
Когда ему счастье на блюде,
За труд! Откровенье подаст!..
Где новым талантом продлится
Значенье деяний земных.
И юности новой приснится
Свечение картинок иных...*

Без необходимости особых уговоров 75-летний Евгений Павлович Гусев подарил три чудных пейзажа г. Вологды. Талантливейший колорист Леонид Яблоков подарил 4 удивительных этюда из Кич-Городецкого района. Валентин Едемский легко и желанно подарил два пейзажа из Тарноги, где его корни. Юрий Коробов — две работы с Междуречья, Евгений Шевченко — две работы из Ферапонтова. Все пятеро являются членами Союза художников России. Причем Яблоков и Коробов по моей рекомендации. Все эти вещи, как тропы, направлены к широкой дороге культуры Усть-Кубинского района. Центральной картиной является композиция, где изображены бывший директор Первомайской, еще деревянной, школы Герман Васильевич Валяев, его друг Виктор Вениаминович Коротаев и их общий, ныне здравствующий Юрий Александрович Стригин, неутомимый сподвижник образования и культуры. Люди достаточно известные, чтобы быть в памяти школьников и взрослых.

Я надеюсь, никому не придет в голову оспаривать значение профессиональной картины в стенах школы, тем более в самой глубинке. Воспитание юной души через искусство, через красоту природы считаю самым плодотворным. Только красивая и глубокая душа сможет сделать любую профессию прекрасной, только тогда в нашей экономике не будет странных и темных пропастей чванства и глухоты. Своим творчеством и всей судьбой я смело и с гордым достоинством призываю детство и юность быть горячими патриотами родной земли. Меня приглашали с картинами в Южную Корею: я не поехал и забыл; приглашали в Америку: я «забыл» и не поехал, или не полетел; звали в Германию — и на этот «торт» я не загляделся, ибо прекрасней Кубены нет, талантливей быть не может. На ней я встретил своих героев, они вдохновили меня творить. Своих собратьев

(земных) по кисти я считаю талантливейшими в мире, и самое интересное, что они начинают в это верить...

Они подают на выставки нечто значительное, чем «манная каша», которая легко глотается, но силенок с нее мало. Земные художники любят крепкие «щи с перцем и горчицей» или же «буженину с хреном»... Эстетствующий народ слегка это шокирует, они делают вид, что далеки от Буренок, хотя сметанку и масло любят лучше любого крестьянина.

Так что у «нашего брата» все не так просто, и нужны здоровышко и мозги, чтобы доказать значимость матушки-земли. Размывание здорового искусства полным ходом идет и на телевидении, которого, к счастью, я не имею... По-моему, там одной рекламой про перхоть можно нормального человека уложить на лопатки. По-моему, не худо бы рассказывать деревенским ребятишкам о том, как лихо в городах лопаются трубы, и потому сидеть на русской печке куда надежней. Дети должны знать и учиться понимать, что вся красота у них под ногами. А для меня вообще жутковато, как можно жить не на родной земле. Не зря такие гиганты таланта и мысли, как Федор Шаляпин и Иван Бунин страдальчески погибли на чужбине.

Побывав недавно в Москве у своей дочери Анжелы и внучки Ксюши и попав в часы пик в сплошной поток в метро, я лишний раз убедился, как здорово ходить пешком по морозу в свою мастерскую. И мне было очень приятно, что дочь в отличие от своей матери меня понимала. Да что там говорить: что может сравниться с нашими рыжиками и нельмушкой, с нашей Кубеной и Уфтугой, с нашими удивительными творцами чудных лодок!

*Похоже домик европейский
Повсюду строят на Руси...
Похоже опыт мой житейский
Орешек горький прокусил.
Народ заманивают в сети,
Не русский там плетут уют.
Земной душе и там «не светит»...
Где лихо душу продают.
Тружусь в своем я «Огороде»
И силюсь Музой не страдать,
Когда живет в моем народе
Мечта тихонько выживать.
А жить когда, Россия, будем?!
Неужто вправду «нет ума»...
Неужто «точка» серых буден
Нам грешным праздником дана?*

*Начнем же строить храм по-русски!
Оставим внучкам лес родной.
Пойдем в труде тропю узкой,
Где воскресенье — выходной!*

Я от всей моей мастерской желаю землякам: будьте счастливы здоровьем и здоровы счастьем!

«Северная новь», 4 марта 2003 г.

ИСКУССТВО БУДЕТ ВЕЧНЫМ

В апреле я посетил прекрасную выставку искусства в районном доме культуры п. Устье. Приехал увидеть ледоход на родной реке Кубене, но природа его спрятала, зато другая природа показала мне мощное течение талантов нашего района.

Было очень приятно видеть на красивом молочном фоне совершенно грамотную и чувственную экспозицию творцов разных направлений. Такую выставку можно смело показывать и в Вологде, и в Париже, но этого делать необязательно, ибо проникаться искусством, начинать любить его должны, прежде всего, наши «пятлашки».

Нужно еще по периметру, под потолком вмонтировать трубку (как в библиотеке), и зал будет профессиональным. А так все замечательно, и я очень рад такой яркой подвижке творчества. Радует количество участников, и потому я спешу еще раз сказать, что именно труд на земле, искусство и спорт есть три кита, на которых держится здоровье нравственное и физическое. Я сам когда-то был спортсменом. Но в художественном училище не было секций, потому я сам организовал строительство волейбольной площадки и игры в волейбол и футбол. А в институте в Москве был членом сборной по волейболу.

У нас в Устье руководит спортом красивый и сильный Сергей Борисович Белов. Чувствуется его волнение и забота о спорте. Я тоже пообещал подарить картину в его офис, и, конечно, постараюсь обещание выполнить.

Кстати, тема спорта в искусстве тоже является одной из самых важных и интересных, наравне с темами труда и отдыха. Дорогие художники Усть-Кубинского района, пишите смелее крестьян, спортсменов, хотя крестьянин всегда в труде, и потому уже с утра спортсмен, за что я и люблю эту крепкую династию, на которой еще и держится мир.

Очень приятно, что за творчество взялись школьники, пенсионеры. Здорово! И не слушайте никого, кто шепчет вам упадок мысли.

Именно к теперешним «пятиклашкам» придут на поклон олигархи, им захочется остаться в памяти людей, как в свое время сделали Третьяков, Морозов, Мамонтов, Щукин. Именно через закупку картин они остались в истории. А сколько было богатых купцов, которые проели и прогуляли душу, а с нею и все нажитое.

Все закончится: и нефть, и уголь, и газ, а искусство будет только дороже и вечным. Помните об этом и рассказывайте своим детям. Я надеюсь, что в школах будут интересно преподавать любовь к земле, труду на ней, к творчеству. У меня до сих пор живут в душе прекрасные выступления учителей на открытии моей стенки-галерейки в моей родной школе п. Устье.

Любовь Владимировна Соколова, Тамара Ивановна Судакова сказали очень хорошие слова и выразили красивые мысли. Я тогда был несказанно рад и Тамару Ивановну обнял, как самую знакомую, ибо школу заканчивали почти в одно время. Я тогда всем учителям посоветовал взяться за кисть, потому как картина вытесняет скуку, уныние, болезни...

В селе Бережном меня познакомили с Ниной Павловной Яруниной, которая и без меня знает, что искусство — это жизнь! И, милые мои земляки, поверьте мне, ради Бога, что Нина Павловна — талантливый художник. Ее работы будут гордостью нашей удивительной культуры вместе с нашей прекрасной землей.

*Я, конечно, на рожон не лезу,
Этот мир не ставлю на попа.
Мне лишь нужно очень, до зарезу,
Чтоб в мой мир не лазила толпа.
Пусть она усердно суетится,
Примеряет «лычки», терема,
Коль не может в творчество влюбиться,
Покупает пусть себе дома.
Только пусть с домов не катит злобу
И не сыплет завистью своей...
Я же «Музу» — милую зазнобу,
Никогда не выдам в руки к ней.*

«Северная новь», 31 мая 2003 г.

ОТ КУБЕНЫ ДО ВОЛОГДЫ

20-го числа июня 1997 г.

850 лет Вологде

Сенокос же с 1 июля

* * *

*Родной земли прекрасный юбилей!
Уже созрел, как время сенокоса!..
Я, как мальчишка, с трепетом вопроса,
Несу цветные росписи с полей...
В них познаю природное жилище.
Где небо, ветер, пашни и река...
Где знак культуры и искусства высший!
Несут собою в выси облака!
И пусть мой путь, под сению волнения,
Найдет жилое в таинстве избы!..
Я вместе с ней, имея свое мнение,
Хочу делить превратности судьбы!..*

Мой жизненный опыт, через сравнение, через творческое воображение, привел меня к мысли, что ИЗБА — есть самое земное, самое простое (и, стало быть, самое гениальное), самое житейское творение русской души.

Я глубоко признателен своей матери, что она не унесла с собой... маленькую тайну, поведала мне, уже взрослому, не слишком для нее понятному, что при всех моих недостатках я и родился-то прямо в избе... 19 апреля 1940 года в с. Чиркове. В самый ледоход. (Бабули...: «парень доб, но умрет или будет большим начальником...»). А я все думаю, почему я так люблю ледоход, в который я не раз купался, а кататься на льдинах было высшим счастьем...

А ледоход на реке Кубене напротив Чиркова, под голубым небом, — это совершенно потрясающая картина родной Природы! (Сыну Саше показывал... Сразу кинулся на льдины...)

Накопив море этюдов и эскизов, я тихонько мечтал сделать выставку в Избе. (Малый размер позволяет такую роскошь...) Боже видит мои мысли...

Чем больше напирает на мое существо бытие нашего времени, тем чаще рисует воображение простую «экспозицию» детства, где дом родной вмещал земную жизнь кузнечного рода.

Центром жизни была РУССКАЯ ПЕЧЬ!

— Хранительница тепла и уюта. (Паровое Вам отопление — это лени зарождение... А лень — мать порока).

Весь ее архитектурный ансамбль берег в себе все жизненно-важнейшие функции. Стол кухни, широкий, тяжелый, обрамленный длинными, надежными лавками, всеял здоровый семейный уклад. Серьезные, еловые, тесаные стены приманивали прижаться спиной, через нее организм набирался лесной силы, которая множилась и закреплялась картинами в оконцах.

В переднем углу светился символ Божий. Через него не затемнялась тропа праведной жизни. По этой тропе земной человек ходил работать и внимать... Через труд и внимание приходило понимание смысла жизни.

Человек уже мог читать рассказы леса, слышать шепот трав, радоваться огоньками ягод и образами грибов, — что все вместе вызывало поклон матушке-земле, святую гордость за нее и намекало на необходимость таланта.

Так зарождался художественный уголок в широком и глубоком крестьянском образе жизни, жилищем которого и была Изба как часть самой природы, ибо всем своим видом органично вписывалась в собрание лесов и лугов под любимым небом.

Питая и укрепляя физиологию творца, мать-земля наполняла своим богатством и его мысль, и его чувства, где невиданным цветком появлялось и зрело искусство, органично вплетаемое в саму житейскую формулу.

Искусство обогащало творца «единого хлеба» «солнечной рамой» чувства причастности к Божьему дару, что возвышало его над слабостью, которая постоянно топчется около человека, прося «милостыню» и внимания.

В житейской формуле Избы не было гордыни и важности... ибо завтра начинался новый день, полный труда и забот.

По воле Божьей, по чутью, по постоянному труду на моей земле и в мастерской я вычислил эту формулу. И странное дело, не отдых, а именно работа стала мне приносить радость, я совершенно разлюбил праздники, потому как моим праздником стал труд!

Мне стало приятно добиваться образа моего труженика, счастливо-го именно в работе, видящего прелесть и красоту кругом, с утра до вечера, от семьи до элементарных шести соток, от ручья до огромного моря, где корабли облаков катают над родиной мою любовь к творцу.

Поди-ка, где-то тут моя академическая школа становится как бы фундаментом моей творческой «баньки», «парок» которой полон горячей любви к непосредственности и держится русла самой природы.

Я понимаю, что мир летит и мчит совсем к другому «озеру», далеко не «Кубенскому», и потому никого не зову за собой...

«Русский Север», 27 июля 1997 г.

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К СВОИМ КОРНЯМ

Поразительный, могучий, забытый русский крестьянский мир обретает на их холстах свою новую жизнь, волнуя посетителей галереи неудобными вопросами: так ли живем? И в чем он вообще — смысл жизни человеческой? Об этом раздумья Генриха Асафова.

Идею моих картин мало кто любит. Ее не понимают, ибо она самая, что ни есть крестьянская. А он, крестьянин, во все века считается «грязным быдлом». А его гениальную культуру обложили прелой соломой невежества и пошлости.

И, чтобы окончательно отпилить сук жизни, наш XX век своим техницизмом весьма успешно уничтожил саму основу крестьянской мудрости — природу. Людям не говорят правды о пропасти в третьем тысячелетии, но у мыслящих людей это все на виду. И они тоже боятся этой правды.

Я как-то на одной из встреч «с народом» сказал, что наше спасение — в деревне. Мы все должны вернуться к земле, чем и была сильна Россия. Кроме смеха и ехидных улыбок, в ответ я не получил ничего. Вот в чем трагедия общества. Но мне приятно, что даже некоторым молодым уже нравятся мои «темные» картины, за которые меня собирались до перестройки исключать из Союза художников.

Но я не об этом. Я-то возвращаюсь к своим корням, боясь людей звать за собой публично. Зову только искусством, ибо люди избалованы ванной и теплым туалетом, горячей водой и просто краном, из которого она льется, и не понимают, что их заманили в эти «бетонки» для гибели. Заманили, чтобы покорить Русь деревянную, где были семьи, труд на жизнь и потому радость, а отсюда — совесть и честь.

Люди ругаются, что трубы лопаются... Так они и были рассчитаны на одно поколение, чтоб молодежь не видела прелести русской печи и ее пирогов.

Молодежи подсунуты пиво, наркотики, «свобода», ибо понятно, что молодежи, не знавшая сельского труда, примет за счастье это «удовольствие».

В искусстве награды, премии, звания и прочая шелуха окончательно отделили шустрых и лихих художников от самой сути жизни. При-

ехал к дочери в Москву, где не был 26 лет. Посетил постоянную экспозицию живописи XX века в Третьяковской галерее на Крымском валу и увидел то же, что видел, когда учился в «суриковке». Сплошные академики и народные художники, только народа около картин нет. По залам мы ходили вдвоем с женой. Я взял да и сказал смотрительнице, что мои 104 работы смотрят каждый день тысяча ребятишек. «Где это?» — поинтересовалась она. «В трех школах и библиотеке моего родного Усть-Кубинского района Вологодской области», — ответил я.

...Кто мне объяснит, для какого часа во всех городах и весях держат в запасниках картины? Почему они не висят в библиотеках и школах?

Понимаю, как я одинок, и не могу сказать, зачем пишу все это. Но я должен выговориться. У нас в Союзе художников это никому не нужно. Все увлечены званиями, наградами, злой завистью и пустой болтовней. Ну, а мужики мыслящие — Виктор Астафьев, Евгений Носов, Дмитрий Лихачев — ушли... Василий Белов устал, Валентину Распутину слова сказать не дают, Владимир Крупиц молится...

Встречаюсь с «народом», а он у меня просит на бутылку. Другой «народ» нападает, что картинку рисую, а не пашу. А у меня есть мои восемь соток, свои картошка, капуста, огурцы, помидоры, свекла и морковь.

В устьянской газете «Северная новь» напечатано несколько моих откровений. Пытаюсь сказать ребятам, чтоб не рвались к ржавчине труб, а сидели около своей надежной русской печки. Но боюсь в итоге, что и их обману: лес-то вывозят с моей родной земли. Скоро натопить русскую печь станет проблемой. Особенно старушечкам... Опять какие-то «шведы» скупают наш лес, и нет на них Александра Невского...

«Красный Север», 21 февраля 2003 г.

НЕБО В АЛМАЗАХ

Артисты: Ирина Джапакова, Всеволод Чубенко.

Режиссер: Яков Рубин (шансон-проект).

Мои мысли по поводу

*Уж зал открыт и в зале вечер,
И на столах в горшочках свечи,
Уютом и теплом горят,
О тайне встречи говорят.*

Приятная неожиданность была в интимном освещении самого зала. Элементарные кирпичи стен с железом лестничных декоров, словно живые, шевелились, излучая теплые грани своей формы. А серо-фаверные композиции Сергея Лаврентьева здесь были очень кстати.

Все настраивает на что-то очень талантливое, новое и яркое. Ясно, что небо в алмазах может быть в сильных чувствах любви, ибо она сердечная и дается людям талантливым, творящим ее чары до самозабвения, до истинного смысла жить и работать.

И потому героями спектакля — писатель и актриса, с их яркой живой судьбой, где под влиянием вдохновения и страсти творить, жизнь превращается в прекрасный мир картины. Когда я встречаюсь с талантливыми людьми, в моей груди начинает трепетать чувство признательности и уже мое собственное вдохновение находит благодатную почву, тут же пускает крепкие корешки и быстро вырастает до прекрасных минут, а то и часов, создания произведения.

Действо началось, актриса зажигает зал явлением искренней страсти веры в любовь, слегка колыхнулись огоньки свечей на столах зрителей, они передали свое волнение моему ожиданию — и вот я весь там, в мире рождения настоящего таланта.

Декоративный огромный сундук, что раньше являлся сокровищем мечты и надежды невесты, там копилось приданое, как самая живая душа, здесь открывается душой писателя (В. Чубенко) и начинается единение песни глубокой и страстной любви.

Глядя на этот сундук, мне приходят на ум воспоминания моего детства, когда где-то в 5 классе мне предложили роль пня в школьном спектакле, и я охотно согласился, не зная, что от этой роли все отказывались. Моя игра мне нравилась тем, что меня в картонной коробке никто не видел, но зал хохотал, и мне было до поту интересно. И только где-то лет в 45 я вдруг понял, почему отец и мать дома умирали со смеху надо мной...

Потому В. Чубенко — писатель мне был особенно люб и интересен...

Яркие краски фонарей спектакля создавали монументальные картины, напоминающие мои, что стоят в мастерской и ждут своей игры...

Я мысленно рисовал мощные декоративные портреты настоящего таланта, где полная надежд любовь является основой всей композиции. В прекрасном исполнении песен узнаются Эдит Пиаф, Ив Монтан и Шарль Ознавуар, которые, конечно, знали толк в любви, как сердцевине настоящего таланта.

Актриса Чайкой взлетает к небу мечты, увлекая чудесную пластичку мужчины-писателя на новые творческие порывы — и все это ново, свежо и бесконечно талантливо. И я уже вижу эти кирпичные стены,

как могучие преграды невежества и всяческого чванливого позирования. Что-то надежное и безошибочное подкрадывается в мою душу, и тени сомнений в живучести красоты вдруг исчезают, и я чувствую, как вырастаю до искренности добродетели. Я становлюсь сильным и богатым одновременно, и россыпи звезд, льющихсся с высоты песен любви, освещают мне радостный путь. Меня влечет блеск новизны, смелость режиссуры и упоение работой, исполненной страстью быть нужным и потому счастливым. И мне уже кажутся смешными и жалкими всяческие полузнайки нашего времени, вся эта надменная и косная притворина, стремящаяся лихо отделиться от простых и мудрых людей, в коих любовь является сутью жизни. В наше время явный и добровольный отход от вершин приводит «творцов» до равнины, за которой бездна падения, от чего равнодушные перерастают в зависть и зло, чем насытилось время.

В спектакле я наблюдаю явное стремление писателя и актрисы к вершине, они влекут меня за собой и я уже не боюсь «непонимания и всякого непокупания»... Чем больше непокупающих, тем я сам себе дороже, тем значительнее влечение и восторг истинным талантом.

Мне интересно присутствие воли, где энергия таланта находит выход из вокзальной суеты жизни и в своей волшебной дрезине катят в удивительную страну искусства.

Я бегу в свою мастерскую, я хочу работать!

19.02.2002 г.

ПОЧЕМУ Я СЧИТАЮ МУЖИКА ВЫСШЕЙ СТЕПЕНЬЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Начнем с понятия культура

Термин культура происходит от латинского глагола COLERE, первоначально означавшего «обрабатывать почву, заботиться, украшать, почитать». Далее М. Туллий Цицерон (106-43 г. до н. э.) выдвинул понятие «культура души» (cultura animi).

Как плодородное поле без возделывания не дает урожая, так и душа. Возделывание души — это и есть философия: она выпалывает в душе пороки, prepares души к принятию посева и ... Сеет... Только те семена, которые, вызрев, приносят обильнейший урожай.

Как видим и как слышим, речь идет о Земле-матушке, а кто у нас и у них живет на Земле, конечно, Крестьянин! Он, конечно, Цицеро-

нов может и не читал, но сама связь с Землею делает труженика и философом, и художником.

Вот крестьянин срубил избу, сложил русскую печь, но, милые мои, — это тоже прежде всего гениальные произведения искусства. Далее он мастерит скарб от ухвата до самовара, прялки, ложки, туески, пестери, бочки, ведра, ступы, шьет сапоги, катает валенки, ткёт материал и шьет одежду из льна, т. е. опять от Земли, как и сама изба, где есть ель или сосна.

Внутри Избы тесались топором — и никаких обоев, вся жизнь семьи в самой природе.

Разве это не высшая Культура?!

Вокруг Избы — грядки, сенокосы; рядом, конечно, река и далее — родной лес.

Пашет, сеет, убирает, все с любовью. Все это видит его большая семья (до 18 детей) и помогает ему. Какой великий пример воспитания души для детей. Это тоже все культура, куда легко и мудро вмещается понятие интеллекта.

В постоянном труде под небом, значит под Богом, Крестьянин набирает опыта, мудрости и все это передается детям, вот чем была богата мужицкая Русь. А когда осенью полны закрома, мужик брал самодельную кисть, сам тер краску и сам расписывал печь, сундуки, дверцы, особо талантливые становились изографами, писали «образа», ставили в красный угол. Во всем таком вековом творческом деянии крестьянин жил всю жизнь, от того и был богат душою, был здоров физически и силен нравственно, а отсюда и прост, и добр, ибо завидовать ему было некому, он сам и был вершиной воли и культуры.

Он не рвался на верха, к власти, потому как сам был глава государства под названием семья, был самодостаточен со своим погребом, колодцем и, конечно, банькой. Ему ни к чему были современные звания и почести, потому он, никому не угождая, был самостоятельным.

Вот где таилась нравственная высота и сама любовь, от чего и были большие семьи, без баловства и роскоши, ибо все создавалось собственной головой и руками.

Не было в деревнях воров, пьяниц и обмана, все было на виду и лучшие руки и головы были ярким примером жизни. Почему сейчас нам не брать с этого пример.

Конечно, все эти мысли должны бы говорить наши власти всех уровней, но увы, они сами давно и с важностью выражений оторвались от Земли-матушки. Плетут свои фальшивые «плетенки». У них много всяческих поездок, совещаний, но все это как бы не о земле и ее труженике. Нет сомнений, формула крестьянской жизни сложна,

требует малого сна, огромного труда физического и умственного, но зато и результат налицо, в широкой душе и совести, закрепление которой в физической силе и в сноровке при любых обстоятельствах. Как бы у мужика где-то внутри собственное свечение покоя и удовлетворение от жизни, несмотря на все унижения во все времена.

*Ну и что ж, что болит поясница,
Зато душа-то, поди, веселиться!*

И когда крестьянскую культуру замалчивают и ею пренебрегают, причем все это идет достаточно циничным способом, то это говорит о страшном невежестве общества, которое забыло свои корни и в подвешенном состоянии, в каменных джунглях прогресса, не понимая всей причины, копит зависть и злобу, мысли сужаются до пищеварения, общество, теряя физическую красоту, увядает, как увядает вырванное дерево. Не спасет тонкий каблук, брюки в обтяжку с показным куревом у женщин, дипломаты и длинное пальто, ибо все это ширмы бесцельности и блуда.

Все это прекрасно понимает Крестьянин, и потому, живя своим миром, не смешивается с городской суетой. Вот это и есть интеллигентность.

У меня чувство, что никто не задумывается, почему Крестьянин не пишет романы и даже стихов, а потому, что вся его жизнь и есть гениальный роман, а сделанная им лавка, или стол, или прялка и есть стихи... И он никому об этом не хвастает, потому как он мудр, потому как знает и чувствует, как завистлив и ленив «худсовет».

Его топорная тайна уже непонятна лоску и всевозможной фишенебельности, где химическую гладь и блески принимают за красоту и удобства, хотя дышать там нечем. Уже почти все и у нас, и в Европе с Америкой, ищут своего пути, и только один крестьянин рождается в верном и земном, и потому красивом, пути.

И собственный труд с теплотой и чугунками Русской печки, под тесовой крышей собственной избы, с двором, полным кормилицами, с сеновалом и дровенником, с грядками картошки, капусты, моркови, свеклы, лука, редьки и прочей зелени, держит его дома!

Вот это и есть настоящая Культура! И если есть, кому на Руси жить хорошо, так это Крестьянину! Все остальные давно запутались в сетях техницизма с цинизмом.

И потому в самом центре Вологды, между бетонными громадами давно должен быть музей Крестьянину с его памятником! Сейчас мне скажут: так есть же у нас краеведческий музей. Нет, дорогие, это все рекашетом, а нужно глубоко, правдиво и сильно!

Сейчас в среде мыслящих людей (в частности выступление академика Капицы по телевизору) созрело обвинение во всех народных бедах именно интеллигенцию. Эту мысль я бы назвал абсолютно городской, обвинять интеллигенцию в предательстве народа достаточно странно, ибо она тоже народ. Беда вся в том, что этот самый народ уже почти весь оторвался от земли, деревни пустеют и зарастают бурьяном.

Забросив «лопаты и косы», часть народа объявилась интеллигенцией, потеряв житейскую мудрость, им стало нечего сказать, ибо они презрели крестьянскую формулу жизни. Их самих уже жалеет еще живой крестьянин, а может и смеется над той халявностью умников, которые вдруг смотрят на землю как на грязь. Вины в предательстве матушки-Земли, власть раскулачивания и власти теперешние, замалчивающие достоинства труда на Земле и величие самой природы.

Всю величайшую красоту от часовенок и соборов, до сложнейших дворцов, создавал русский Мужик — это именно его гениальное чувство меры и вкуса вселялось в эти творения на века. А такой уровень чутья и был воспитан Землей-матушкой, на которой Крестьянин трудился с любовью. Именно его называли «кулаком», именно с него началась борьба дьявола с истиной. Что-то у нашего начальства я не слышал этой правды, а потому оно не знает, куда вести народ, ибо само озабочено только собственным благополучием.

А я знаю, куда и как нужно вернуть Россию — к Земле.

Нужно наш лес не вывозить по миру. Следует снова строить из него избы с русской печкой и дарить молодым с землей рядом. Для этого нужно денежки класть не себе в карман, а расходовать на эту великую идею возрождения.

И тогда молодежь потихоньку потянется за трудом и не станет безнадёжно и бесцельно блудиться во дворах и грязных подъездах.

Все спасение человечества в элементарном труде на Земле!!!

АДМИНИСТРАЦИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

160009, г. Вологда, ул. Пушкинская, 75

Телефоны: 2-41-20, 2-40-59

23.09.94 № 2-6/489

№ _____ от _____

Уважаемый Сергей Николаевич!

Сообщаем Вам, что по совместному решению управления культуры администрации области Вологодской областной картинной галереи и Вологодской организации Союза художников России Ваша кандидатура выдвигается на соискание Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства.

Необходимые документы должны быть оформлены и направлены в Комиссию при Президенте Российской Федерации по Государственным премиям до 15 октября. В связи с этим просим Вас в самые короткие сроки представить в управление культуры репродукции, фотографии, каталоги или проспекты, дающие наиболее полное представление о Вашем творчестве.

В Вологодской организации СХ России следует оформить личный листок по учету кадров и фотографии, и также представить в управление культуры.

Желаем дальнейших успехов в Вашем творчестве.

С уважением
начальник управления культуры

В.Е.Кудряшов

Исп. Новоселова Г.Н.
2-63-18

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи о творчестве Г. А. Асафова

В. ВОРОПАНОВ	4
И. БАЛАШОВА. СЫН КУЗНЕЦА И КРУЖЕВНИЦЫ	7
В. АРИНИН. «ОТ КУБЕНЫ ДО ВОЛОГДЫ», ОТ ЛУБКА ДО АВАНГАРДА	10
Г. АНДРЕЕВА. В УСТЬЕ БУДЕТ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ	11
Г. АЛЕКСАНДРОВА. ДАР ХУДОЖНИКА РОДНОЙ ШКОЛЕ	16
Г. АНДРЕЕВА. «Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ, КАК ВСЕ»	17
Л. СОСНИНА. «Я — ЗЕМЕЛЬЯНИН»	20
А. КОЛОСОВ. КАРТИНЫ С ЗАПАХОМ ПАРНОГО МОЛОКА	22
Н. АВДЮШКИНА. ГЕНРИХ АСАФОВ	24
В. ВОРОПАНОВ. СЕКРЕТ ЗЕМЕЛЬЯНИНА С КУБЕНЫ	27
Г. ДЕМЕНТЬЕВА. ГЕНРИХ АСАФОВ	31

Статьи Г. А. Асафова

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК ОЧЕНЬ ПОХОЖ НА РОМАШКУ	34
ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ	40
«ВИЖУ ЧУДНОЕ ПРИВОЛЬЕ...» (О Леониде Яблокове)	40
ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ	41
АНАТОЛИЙ ОПЯКИН	41
НЕУТОМИМЫЙ БОРИСОВ	42
ЧЕРСТВЫЙ ХЛЕБ ВИКТОРА СЕДОВА	43
СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ ГЕОРГИЯ КАЛИНИНА	46
ПИСЬМА К ЗЕМЛЯКАМ	49
ДЛЯ МЕНЯ КОСА, ПИЛА, ТОПОР И ВИЛЫ ТАК ЖЕ ДОРОГИ И ВАЖНЫ, КАК КИСТЬ И МАСТЕРСКАЯ	49
ПРЕДЛАГАЮ ОБМЕНЯТЬСЯ МНЕНИЯМИ	51
В РОДНОМ УСТЬЕ В ЯНВАРСКИЕ МОРОЗЫ Я ЦВЕЛ МАЙСКИМ СОЛНЫШКОМ	53
БУБЕНЧИКИ ТВОРЧЕСТВА	55
ДОРОГА К РОДНОЙ ШКОЛЕ	58
ДОРОГА К СЕБЕ	60
АЗБУКА ТВОРЧЕСТВА	63
СЛОВО ТВОРЧЕСТВА	66
ИСКУССТВО — В ГЛУБИНКУ	67
ХУДОЖНИК МОЖЕТ ВЫРАСТИ ТОЛЬКО НА ЗЕМЛЕ, А НЕ НА АСФАЛЬТЕ	70
И ВЕРИТ СОЗНАНИЕ, БУДЕТ!	72
ИСКУССТВО БУДЕТ ВЕЧНЫМ	75
ОТ КУБЕНЫ ДО ВОЛОГДЫ	77
Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К СВОИМ КОРНЯМ	79
НЕБО В АЛМАЗАХ	80
ПОЧЕМУ Я СЧИТАЮ МУЖИКА ВЫСШЕЙ СТЕПЕНЬЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	82

ГЕНРИХ АЛЕКСЕЕВИЧ АСАФОВ
Статьи о творчестве Г. А. Асафова
Статьи Г. А. Асафова

Технический редактор Ю. П. Малозёмов
Лицензия ИД № 02513
от 31 июля 2000 г.
Тираж — 100 экз.

Вологда
2006